„Про

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА
Выпускъ Второй

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ ДЕВЯНОСТЫХЪ ГОДОВЪ

П. ЛАВРОВЪ.

ЦѢНА 50 КОПѢЕКЪ.

Изданіе Союза Русскихъ Соціалистовъ-Революціонеровъ
Женева Типографія Группы Старыхъ Народовольцевъ.
Іюль 1899 годъ.

„Пров 38"

„Пров 49"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Тогда и теперь. (По поводу 50-лѣтія см. М. Ю. Лермонтова) 1
Задача и долгъ 26
Пожеланія на новый 1898 годъ 29
Аннибаловы клятвы. (По поводу памяти Бѣлинскаго) . . . 34
Насущные вопросы 41
Недоразумѣнія 50
Отвѣтъ Жюлю Гюрэ 56
Пестрыя заботы и соціализмъ. 67

—

ТОГДА И ТЕПЕРЬ.

По поводу пятидесятилѣтія смерти М. Ю. Лермонтова.

(Читано 21/3 ноября 1891 г въ Парижѣ въ собраніи созванномъ русскими студентами)

Общество русскихъ студентовъ въ Парижѣ пригласило меня сказать нѣсколько словъ по поводу полувѣка, прошедшаго со времени смерти одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Благодаря за приглашеніе, которымъ меня почтили, мнѣ казалось, что при этомъ общество студентовъ, обращаясь ко мнѣ, могло имѣть въ виду не оцѣнку художника слова, о которомъ было говорено и писано уже очень много людьми, гораздо болѣе меня компетентными въ этомъ отношеніи, но желало, можетъ быть, услышать нѣсколько словъ о томъ, на сколько грозные общественные вопросы нашего времени, фатально заслоняющіе въ глазахъ нашихъ развитыхъ современниковъ эстетическіе и психологическіе интересы, предвидѣлись или хотя бы предчувствовались уже за полвѣка тому въ образахъ и настроеніяхъ, вызванныхъ великимъ поэтомъ, въ движеніи мысли, его окружавшемъ, а отчасти и создавшемъ его. Моихъ слушателей могъ интересовать и тотъ вопросъ, на сколько наше *теперь*, сравнительно съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ словомъ *тог-*

да, видоизмѣняетъ задачи, стоявшія предъ замѣчательными умами начала 40-выхъ годовъ, и возлагаетъ на развитыхъ людей начала 90-хъ нравственныя обязанности, не существовавшія для нашихъ предшественниковъ. Если я угадалъ цѣль устроителей этого собранія, то вопросъ, стоящій теперь передо мною, вполнѣ опредѣленъ и тѣсно связанъ съ тѣми, которые я въ нынѣшнемъ году имѣлъ уже два раза случай разсматривать передъ здѣшнею аудиторіею. По поводу смерти одной изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ соотечественницъ мнѣ приходилось тогда говорить о современномъ положеніи развитой женщины въ Россіи. По поводу смерти двухъ искреннихъ участниковъ идейной борьбы въ нашей литературѣ за будущность нашего отечества я пробовалъ дать очеркъ ряда задачъ, возникавшихъ одна за другою предъ послѣдовательными поколѣніями развитыхъ людей нашей родины. Сегодня мнѣ хотѣлось бы противуположить два достаточно отдѣльныхъ пункта этой эволюціи русской мысли и жизни въ ихъ традиціонной зависимости. Но въ то же время мнѣ хотѣлось бы указать и ихъ разницу, зависящую отъ того, что исторія общества, точно такъ-же какъ эволюція отдѣльной личности, не возвращается назадъ и, обогащенная опытомъ, ставитъ передъ тѣмъ, кто въ ней участвуетъ, или совсѣмъ новыя задачи, или прежнія, но болѣе или менѣе видоизмѣненныя. Располагая незначительнымъ временемъ, я постараюсь лишь вкратцѣ коснуться вопросовъ, на которыхъ я наиболѣе останавливался въ предыдущихъ собраніяхъ.

1. ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ.

Передъ нами великій художникъ, одаренный тою впечатлительностью, которая не позволяетъ ни одной доступной ему характеристической чертѣ современной ему эпохи пройти незамѣченною передъ его наблюдательнымъ взглядомъ. Предъ нами эпоха 30-хъ годовъ, которую пережилъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ

возрастѣ отъ 16 до 26 лѣтъ, чтобы пасть жертвою нелѣпой дуэли въ началѣ 40-хъ Это—эпоха, въ которую европейская реакція, послѣдовавшая за бурными годами первой французской революціи и наполеоновскихъ войнъ, начала снова пробуждаться къ сознанію, что *дѣйствительный* революціонный періодъ не только не законченъ, но едва ли начался. Какъ отразилась эта сложная переходная эпоха въ мысли поэта? Что́ угадалъ онъ изъ ея характеристическихъ чертъ и изъ тѣхъ элементовъ, которые для нея казались первой важности, но были, въ дѣйствительности, лишь временною рябью на волнахъ исторической рѣки? Что́ угадалъ онъ въ зародышахъ задачъ нашего времени, тогда уже существовавшихъ?

Дѣлаю небольшое отступленіе. Романтическая мысль приписываетъ поэтамъ и художникамъ высшія, какъ-бы пророческія, способности провидѣнія прошедшаго, настоящаго и будущаго въ ихъ истинномъ значеніи и смыслѣ. Современная реалистическая психологія склонна къ тому, чтобы отрицать всякую способность доходить до пониманія вещей и событій внѣ метода тщательнаго аналитическаго ихъ изученія и осторожнаго систематическаго построенія. Можетъ быть истинная роль художественнаго угадыванія заключается между этими крайностями. Художникъ и поэтъ такъ-же часто ошибается и даже прямо искажаетъ истину, какъ всякій другой смертный, не опирающійся на науку и послѣдовательную критику. Но его способность улавливать характеристическія черты образовъ и настроеній, имъ воспринимаемыхъ изъ окружающаго его міра, иногда позволяетъ ему, даже при очень недостаточномъ умственномъ и нравственномъ развитіи, угадывать комбинаціи явленій, которыя ускользаютъ отъ методическаго анализа ученаго критика въ своей отдѣльности, и по тому самому не входятъ въ его систематическія построенія. Художникъ же, непосредственно воспринимая цѣльную комбинацію и крупныхъ, и едва замѣтныхъ явленій, имѣетъ возможность въ иныхъ случа-

яхъ уловить гораздо ближе дѣйствительный смыслъ историческаго теченія даже тогда, когда ни его умственныя силы, ни его нравственное развитіе не дозволяютъ ему ни понять этотъ смыслъ, ни, тѣмъ менѣе, разглядѣть свои нравственныя и гражданскія обязанности, которыя были бы обусловлены подобнымъ пониманіемъ у болѣе развитой личности.

Лишь съ этой точки зрѣнія я считаю возможнымъ говорить объ отраженіи въ художественныхъ произведеніяхъ истиннаго характера настоящаго и будущаго данной эпохи, совершенно независимо отъ общихъ чертъ біографіи художника и отъ множества такихъ его произведеній, въ которыхъ онъ является или представителемъ вымирающихъ традицій, или сторонникомъ вполнѣ случайныхъ и даже патологическихъ общественныхъ увлеченій.

Для поэта, въ память котораго мы собрались здѣсь сегодня, мы имѣемъ общую характеристику его личности, сдѣланную такимъ замѣчательнымъ цѣнителемъ, какъ Бѣлинскій, въ частномъ откровенномъ письмѣ:

„Глубокій и могучій духъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ Каждое его слово — онъ самъ, вся его натура, во всей глубинѣ и цѣлости своей".

Этотъ отзывъ дѣлаетъ еще болѣе интереснымъ для насъ вопросъ о томъ, какъ относился Лермонтовъ къ своему времени. Мы имѣемъ, по видимому, и вполнѣ опредѣленный и сознательный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ стихотвореніи, которое знакомо каждому изъ васъ. Онъ говоритъ о „поколѣніи" ему современномъ: „подъ бременемъ познанья и сомнѣнія въ бездѣйствіи состарится оно".

„Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума, безъ слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда".

Для насъ тридцатые годы, для насъ весь періодъ

поэтической дѣятельности Лермонтова отъ 1828 по 1841 годъ есть уже историческое прошедшее, на которое успѣли наслониться послѣдовательно нѣсколько десятилѣтій съ ихъ развертываніемъ того „грядущаго“, которое было „пусто и темно“ для взгляда поэта-современника. Мы спрашиваемъ себя: угадалъ ли онъ это грядущее? Угадалъ ли онъ его особенно въ тѣхъ строкахъ, которыя я только-что привелъ?

*
* *

„Ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“.

Можемъ ли мы согласиться съ этимъ пессимистическимъ приговоромъ? Не покажется ли онъ намъ несправедливо-строгимъ если мы станемъ припоминать отдѣльные факты?

Поэтъ совершенно естественно прежде всего другого могъ имѣть въ виду поэтовъ. Это было время, когда еще только что сошли со сцены Байронъ и Шелли и когда вся европейская поэзія находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ того протеста противъ реакціи 20-тыхъ годовъ, который неожиданно выросъ въ Англіи изъ романтическаго поклоненія художественному творчеству, протеста, который, на сколько дѣло идетъ о Байронѣ, выразился не только въ горькихъ или насмѣшливыхъ стихахъ „Каина“, „Манфреда“ и „Донъ-Жуана“, но и въ рѣчахъ въ Палатѣ Лордовъ и въ битвѣ за независимость подавленной національности. Это было время, когда престарѣлому Гете, какъ онъ самъ выразилъ въ стихахъ, переведенныхъ нашимъ поэтомъ, оставалось уже „немного ждать“, чтобы „отдохнуть“ вмѣстѣ со всѣми „горными вершинами“ и „тихими долинами“ міровой литературы. Олимпіецъ, повидимому, устранился отъ всего политическаго движенія, около него происходившаго; тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ главахъ „Годовъ странствованія Вильгельма Мейстера“ отъ отозвался на картины соціалистическихъ утопій, выдвинутыя задачами его времени. Это

было время, когда нѣмецкій романтизмъ, съ его политическимъ индифферентизмомъ и средневѣковыми симпатіями, перерождался въ насмѣшливые преднамѣренные диссонансы поэзіи Гейне, гдѣ, рядомъ съ личнымъ сенсуализмомъ и съ презрительнымъ отношеніемъ къ лиллипутамъ тогдашняго либерализма, его окружавшимъ, поэтъ напоминаетъ современникамъ, что никакія таможни не останавливаютъ революціонную контрабанду, которая въ мозгахъ протестующихъ проникаетъ черезъ всѣ границы; онъ угадываетъ пѣсню ткачей, готовящихъ саванъ міру ихъ эксплуатирующему; онъ предсказываетъ Германіи революцію, ужасы которой превзойдутъ французскій терроръ 90-тыхъ годовъ прошлаго вѣка. А въ томъ самомъ Парижѣ, гдѣ писалъ Гейне свою эпопею медвѣдя и каррикатуру Германіи, искрился и сверкалъ новый французскій романтизмъ, не оказавшійся способнымъ переродиться ни въ общественный протестъ байронизма, ни въ разлагающую сатиру Гейне, ни въ пушкинское угадываніе реалистической поэзіи, романтизмъ театральный и обреченный на недолгое господство, но тѣмъ не менѣе, въ промежутокъ этого господства, оставившій въ европейской литературѣ и мысли, точно также какъ и въ нашемъ отечествѣ, довольно значительный слѣдъ. Можно ли сказать, что поэзія этого поколѣнія не дала потомству „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“?

А если мы выйдемъ изъ области чистой литературы, если прислушаемся къ тѣмъ движеніямъ философской мысли, которыя тогда характеризовали университеты Германіи, зарождались во Франціи и въ Англіи, эпоха, о которой мы говоримъ, покажется намъ еще знаменательнѣе. Это было время, когда Огюстъ Контъ писалъ свой „Курсъ позитивной философіи“, когда въ мысли Джона Стюарта Милля подготовлялась его „Система логики“, и предъ этими, мало замѣтными тогда, зародышами будущаго обнаруживалась вся фальшивость и безсодержательность французскихъ эклекти-

ковъ, изящество и театральность лекцій которыхъ объ „истинномъ, прекрасномъ и благомъ“ увлекали тогдашнюю молодежь такъ-же временно, какъ романтизмъ Гюго и Ламартина. Но эпоха, о которой я говорю, особенно замѣчательна въ Германіи. Въ началѣ 30-хъ годовъ умеръ Гегель. Это былъ какъ-бы оффиціальный философъ прусскаго государства, но, въ виду своего консерватизма, отрицая всякій политическій либеральный эмпиризмъ, онъ потребовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они признали дѣйствительнымъ лишь то, въ чемъ воплощается идея въ различныхъ фазисахъ ея развитія. Во имя этой идеіиной дѣйствительности, вслѣдъ за его смертью, цѣлая группа его учениковъ, вдумавшись въ слова учителя, подвергла неумолимой критикѣ его собственные консервативные выводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту фальшивую эмпирическую дѣйствительность, которая воплощалась въ христіанство XIX-го вѣка, въ систему государства, созданную Меттернихами, въ современный имъ общественный строй, какъ тотъ, который опирался на „пріобрѣтенныя права“ господствующихъ классовъ, такъ и тотъ, который утописты начала вѣка, Сенъ-Симоны, Фурье, Оуэны, предлагали въ своихъ построеніяхъ, какъ идеалъ будущаго. Метафизическій идеализмъ и консерватизмъ Гегеля, при помощи его же пріемовъ мысли, на основаніи основныхъ требованій его же метода, почти разомъ перешелъ въ новый историческій реалистическій матеріализмъ и въ научный революціонный соціализмъ.

Началось съ критики религіи, Это было естественнымъ слѣдствіемъ той роли, которую протестантизмъ игралъ въ развитіи Германіи. Это было сообразно и съ исторіей развитія европейской мысли вообще. „Критика религіи,—писалъ Карлъ Марксъ въ своемъ „Введеніи въ критику философіи права Гегеля,“*) — первая глава всякой критики“. Исторія мысли новой Европы

*) Стр. 27 русскаго перевода. — О роли протестантизма см. Предисловіе къ этому переводу.

началась съ перехода европейской цивилизаціи отъ принципа общества, опирающагося на религію, къ принципу общества свѣтскаго. Логическое развитіе идеи свѣтскаго общества ставило передъ нимъ, одинъ за другимъ всѣ тѣ вопросы, которые характеризовали въ послѣдніе три столѣтія исторію мысли Европы и Америки. Новыя задачи, возникавшія и возникающія передъ борцами за лучшее будущее человѣчества, предполагали и предполагаютъ вопросъ религіозный устраненнымъ съ точки зрѣнія общества чисто свѣтскаго. Великіе мыслители 30-хъ и 40-хъ годовъ, Фейербахи и Конты, Штраусы и Бауры и занялись окончательнымъ устраненіемъ религіозно-христіанскаго элемента изъ мысли новой Европы.

Въ самой серединѣ 30-хъ годовъ появилась знаменитая книга Штрауса, вооруженная самымъ строгимъ аппаратомъ эрудиціи, и перенесшая всѣ христіанскія вѣрованія въ область миѳовъ. Въ годъ смерти Лермонтова появилась „Сущность христіанства“ Лудвига Фейербаха, вскрывшая реальныя натуралистическія и антропологическія основы той лженауки богословія, которое для всего христіанскаго міра выставлялось какъ сверхъестественная, таинственная мудрость. Въ Тюбингенѣ выступила цѣлая школа ученыхъ критиковъ, развернувшихъ передъ развитою публикою смыслъ новозавѣтной литературы, какъ результата исторической борьбы двухъ партій. На почвѣ этого окончательнаго разрушенія для развитыхъ людей Европы самыхъ основъ переживанія христіанства въ новой Европѣ, стала разростаться та критика государственныхъ и общественныхъ формъ, которая въ сороковыхъ годахъ вызвала цѣлую литературу публицистики и беллетристики, подготовлявшую и подготовившую взрывъ 1848 г. и манифестъ коммунистовъ.

Рядомъ съ этимъ энергическимъ ростомъ критики, приложенной къ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, какъ патологическая вѣтвь того же самаго отрицанія религіозныхъ, метафизическихъ и общест-

венныхъ основъ существовавшаго строя, выдвинулось въ томъ же поколѣніи ученіе пессимизма, то связанное съ общественнымъ протестомъ байронизма, то проникнутое субъективной болѣзненностью Леопарди и его школы, то, наконецъ, опирающееся на метафизическое міросозерцаніе Шопенгауера, какъ рѣзко враждебное оптимистическому идеализму тѣхъ, кого онъ называлъ „тремя лжецами“, т. е. Фихте, Шеллинга и Гегеля; міросозерцаніе, сперва незамѣченное и пренебреженное, но которое, вскорѣ, вслѣдъ за неудачею взрыва 1848 г., должно было стать чуть-ли не господствующею метафизикою новой Германіи.

Это ли поколѣніе, которое жило самой энергической жизнью философской мысли, можно назвать поколѣніемъ „не бросившимъ вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“?

А я еще не коснулся тѣхъ громадныхъ завоеваній, которыя сдѣлала въ это время чисто-научная мысль и въ области естественныхъ, и въ области историческихъ наукъ, именно та научная мысль, которая выставила цѣлый рядъ великихъ эмпириковъ и спеціалистовъ. Но это движеніе могло не имѣть вліянія на человѣка, бывшаго очень недолго воспитанникомъ университета и затѣмъ брошеннаго судьбою въ толпу кутилъ Школы подпрапорщиковъ, индифферентныхъ ко всякой спеціальной наукѣ и эрудиціи.

Но не была ли разсматриваемая эпоха нищею въ области мысли для нашего отечества?—Мнѣ достаточно напомнить вамъ, что тогда Пушкинъ писалъ свои самыя выработанныя поэтическія произведенія; что, подъ вліяніемъ его реализма, тогда выступилъ Гоголь съ натуралистическими произведеніями еще болѣе ясно характеризованными; что это было время, когда руководителемъ русской мысли явился Бѣлинскій, когда спорили о гегелизмѣ и о всемъ, что входило въ его обширную область, кружки, въ которыхъ присутствовали молодые Герценъ, Огаревъ, Грановскій, Станкевичъ, Бакунинъ. Нѣтъ; и къ нашему отечеству неприложи-

мо, по видимому, то осужденіе въ недостаткѣ „плодовитой мысли“ и „труда, начатаго геніемъ“, которымъ характеризовалъ Лермонтовъ своихъ современниковъ.

Слѣдуетъ ли, поэтому, отнести характеристику поколѣнія 40-хъ годовъ, которую далъ поэтъ, къ тѣмъ слабымъ сторонамъ его мысли, гдѣ онъ не былъ „глубокимъ и могучимъ духомъ“, но стоялъ далеко „ниже“ критика, ему удивлявшагося?

*
* *

Едва ли подобный приговоръ былъ бы болѣе справедливъ относительно русскаго поэта, чѣмъ только что разобранный приговоръ Лермонтова относительно значенія работы мысли въ 30-хъ годахъ нашего вѣка. Но точно ли эту работу мысли поэтической, философской, научной имѣлъ въ виду тревожный пѣвецъ „Думы“, бросая „презрительный стихъ“ своему поколѣнію?

Угадываніе художника важно намъ не въ тѣхъ областяхъ, которыя видны всякому лѣтописцу литературы, а въ тѣхъ, гдѣ характеристическія черты выступаютъ во множествѣ мелочей, едва замѣтныхъ или вовсе не замѣтныхъ для подобнаго лѣтописца, сливаясь болѣе въ общее настроеніе лица и общества, чѣмъ въ опредѣленныя событія и дѣйствія.

Вчитаемся снова въ стихотвореніе, мною упомянутое, какъ это и сдѣлали уже ранѣе меня нѣкоторые изъ самыхъ проницательныхъ критиковъ нашей современной литературы.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя обвиненія Лермонтовымъ его поколѣнія:

„Въ бездѣйствіи состарится оно...
Къ добру и злу постыдно равнодушны..
Предъ властію презрѣнные рабы...
Ко гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы...
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда..“

Припомнимъ слова Бѣлинскаго о „цѣльной“ личности Лермонтова, о томъ, что „онъ самъ“ былъ въ каждомъ своемъ словѣ. Припомнимъ его біографію, свидѣ-

тельствующую, что для него было невозможнымъ отдѣленіе *слова* отъ *дѣла*. Въ жалкой средѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своей ранней молодости, за неприличными стихотвореніями Школы Подпрапорщиковъ стояло не пошлое смакованіе чувственныхъ образовъ, а заправскій безобразный кутежъ. Среди эротическихъ заботъ, которыя волновали воображеніе 16-лѣтняго мальчика, когда мечты объ участіи въ общественной жизни возникали въ его умѣ, это было уже не иначе какъ въ образѣ грознаго неизвѣстнаго намъ *дѣла*, долженствовавшаго быть совершоннымъ:

„Настанетъ день, и міромъ осужденный
Чужой въ родномъ краю
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный,
Я кончу жизнь мою.“

Это сознаніе не оставляло его и позже. Чрезъ годъ, въ одномъ изъ самыхъ полныхъ мысли своихъ стихотвореній, когда мгновенное увлеченіе движеніемъ 1830 года во Франціи, прошло для него, оставивъ въ его душѣ все растущее впечатлѣніе, окончательно выраженное имъ въ 1838 г.—впечатлѣніе мелочности европейскихъ политическихъ интересовъ 30-хъ годовъ и неспособности его современниковъ къ энергическому дѣлу, онъ говорилъ:

„Я все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего то“

И опять возникалъ передъ нимъ прежній мрачный образъ:

„Смерть моя
Ужасна будетъ: чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ
*
* *
Всѣ?—Нѣтъ, не всѣ..“

Передъ нами образъ человѣка, который, въ своихъ недостаткахъ, точно такъ-же какъ въ своихъ высшихъ стремленіяхъ, не можетъ раздѣлить мысли отъ дѣла; образъ человѣка, для котораго всякая мысль, неспособная перейти въ дѣло, есть мысль „безплодная“, всякій

человѣкъ, недоросшій до жизненной борьбы за свои убѣжденія, „позорно малодушный“ передъ реальной „опасностью“, „презрѣнный рабъ предъ властью“, „ничѣмъ не жертвующій ни злобѣ, ни любви“ — достоинъ лишь „презрительнаго стиха“ и „горькой насмѣшки“.

Передъ этимъ характеристическимъ для Лермонтова требованіемъ цѣльности исчезали, должны были исчезнуть, какъ совершенно незначительные, тѣ продукты блестящей поэзіи и теоретической критики въ области религіи, философіи, науки, которые теперь для насъ выдвигаютъ эпоху 30-хъ и начало 40-хъ годовъ во всей ея знаменательности.

Спросимъ себя, что́ *сдѣлали* для улучшенія своего времени, для разрушенія зла въ немъ присутствовавшаго, тѣ поэты и философы, тѣ романтики и олимпійцы, тѣ ученые и беллетристы, которые жили между годомъ, когда Байронъ умеръ въ борьбѣ за независимость чуждаго ему народа, и тою эпохою, когда, вслѣдъ за философской и религіозной критикою лѣвой стороны гегелизма, появился манифестъ коммунистовъ, революціонная поэзія молодой Германіи перешла въ реальное возстаніе противъ Метерниховъ и Гогенцолерновъ, а возмущеніе противъ буржуазнаго владычества во Франціи вызвало іюньскіе дни въ Парижѣ?

Въ смыслѣ грознаго дѣла, выросшаго изъ могучей дѣятельности мысли, поколѣніе 30-хъ и начала 40-хъ годовъ было дѣйствительно „бездѣятельно“. А между тѣмъ недавнія воспоминанія рисовали предъ нимъ величественные призраки людей *дѣла*, призраки, казавшіеся тѣмъ болѣе гигантскими, чѣмъ жальче въ области дѣла была современность. Это были призраки Дантоновъ, Робеспьеровъ, Бабэфовъ, которые не щадили ни себя, ни другихъ во имя своего дѣла. Это былъ деспотическій призракъ Цезаря новаго времени: люди, жившіе среди торгашей, забывали его безсердечность и безсовѣстность изъ-за энергіи человѣка, который оказался способнымъ покорить *дѣломъ* всю Европу своей волѣ, наполнилъ свою эпоху „шумомъ“ и „сла-

вою“ своего имени и создалъ предъ глазами изумленнаго міра реальную эпопею съ могилами милліоновъ, со страданіями цѣлыхъ націй, и съ эффектнымъ трагическимъ окончаніемъ. Не мудрено, что въ эпоху жалкаго торгашества буржуазіи и мелочного либерализма 30-хъ годовъ этотъ образъ ослѣпилъ и увлекъ поэтовъ всѣхъ націй. Не мудрено, что тогда литература и общественная жизнь, полныя громкихъ преданій и мелочной дѣйствительности, выставили или политическій и общественный индифферентизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выражался въ поэзіи Мюссэ, въ критикѣ Сентъ-Бэва, или театральную, маскарадную игру великими идеями, раздутыми образами и антитезами французскихъ романтиковъ, или еще ту литературу сказочныхъ романовъ и драмъ, въ которыхъ едва ли оставалось зерно художественной истины или нравственныхъ требованій. Самый пессимизмъ, тогда возникшій, и вслѣдъ за тѣмъ завоевавшій себѣ обширную почву, былъ результатомъ общаго разочарованія и невѣрія въ какіе бы то ни было практическіе жизненные идеалы; разочарованія и невѣрія, которые уживались рядомъ съ блестящими произведеніями искуства, съ могучею работою философской и научной мысли. Это была эпоха сильной работы *мысли*, но полнаго безсилія для какаго-либо *дѣла* Для современника, умершаго въ 1841 году, жаждавшаго прежде всего, требовавшаго прежде всего *дѣла*, это было и должно было быть поколѣніемъ жалкимъ и презрѣннымъ, обреченнымъ на то, чтобы оно состарѣлось въ бездѣйствіи, заслуживающее лишь „презрительнаго стиха“.

А что было въ Россіи? Что долженъ былъ чувствовать русскій поэтъ, требовавшій единства мысли и дѣла въ той общественной атмосферѣ,, гдѣ Пушкинъ, современникъ и другъ декабристовъ, шелъ на примиреніе съ властью ихъ повѣсившей, гдѣ натурализмъ, т. е. требованіе истины отъ искуства, воплощался въ Гоголѣ, консерваторѣ и полумистикѣ; гдѣ около поэта

въ русскомъ обществѣ жили почти одни „презрѣнные рабы предъ властью“, люди „позорно-малодушные“ предъ личною „опасностью“; гдѣ даже лучшіе въ средѣ молодежи того времени, воспринимая заповѣдь Гегеля: „что дѣйствительно, то разумно“, не способны были сразу разглядѣть, что это требованіе разумной дѣйствительности есть въ сущности требованіе *борьбы* за разумное, требованіе критическое въ теоріи, революціонное въ жизни?

Великій нашъ поэтъ выказалъ именно глубокую поэтическую угадку, разглядѣвъ подъ подкупающей удивленіе работой мысли 30 хъ годовъ характеристическую черту общаго настроенія того времени, его тревожное болѣзненное сознаніе, что для него нѣтъ *дѣла*, соотвѣтствующаго работѣ его мысли; что старые политическіе, общественные, нравственные идеалы Руссо и Вольтеровъ, Лафайетовъ, Дантоновъ и Робеспьровъ принадлежатъ прошедшему и неспособны уже вызвать героическія, самоотверженныя дѣла; что утопическіе идеалы Сенъ-Симоновъ, Фурье и Оуэновъ, созданные ими какъ бы въ защиту отъ „ужасовъ“ революціи, дозволявшіе имъ писать объ омніархахъ и обращаться къ реакціоннымъ правительствамъ съ предложеніями помочь построенію новаго общественнаго міра, не имѣли подъ собой реальной почвы. Люди 30-тыхъ годовъ были фатально осуждены на то печальное бездѣйствіе и бездѣлье, которое возмущало Лермонтова, потому что для огромнаго большинства изъ нихъ не существовало и не могло существовать никакихъ удовлетворительныхъ идеаловъ. Безнадежный пессимизмъ былъ естественнымъ продуктомъ эпохи. И люди 30-тыхъ годовъ были въ этомъ невиноваты. Они могли только смутно чувствовать боли родовъ будущаго и страдать отъ нихъ. Слова: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ были еще не написаны. Іюньскіе дни еще не уяснили наглядно, что исторія движется впередъ на почвѣ борьбы классовъ. Научный соціализмъ былъ еще въ будущемъ.

2. ТЕПЕРЬ

Но для насъ нѣтъ этого оправданія. Люди 90-хъ годовъ знаютъ новые идеалы. Передъ ними сіяютъ огненныя слова на стѣнахъ разрушенныхъ храмовъ религіознаго преданія; на стѣнахъ дворцовъ растерянныхъ самодержавныхъ и конституціонныхъ монарховъ; на стѣнахъ парламентовъ, въ которыхъ соперничаютъ между собой законодатели — представители господствующихъ классовъ; на стѣнахъ ученыхъ академій, гдѣ соціологи засѣдаютъ рядомъ съ химиками и астрономами; на стѣнахъ биржъ, гдѣ спекулируютъ дѣйствительные цари нашего времени; на стѣнахъ громадныхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ создаютъ богатства современнаго міра голодающіе пролетаріи; на стѣнахъ жалкихъ жилищъ, гдѣ убаюкиваютъ дѣтей революціонными пѣснями жены этихъ пролетаріевъ.

И эти огненныя слова всюду одни и тѣ же. Это — заповѣдь: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Это—завѣтъ: старый капиталистическій міръ всеобщей конкурренціи *долженъ* быть разрушенъ и замѣненъ міромъ всеобщей рабочей кооперации мозгового и мышечнаго труда. Это—логическое слѣдствіе предыдущаго: современныя государственныя формы должны рухнуть, уступить мѣсто новымъ политическимъ организаціямъ, соотвѣтствующимъ новымъ экономическимъ условіямъ. Это, вообще—требованіе новаго общественнаго міра, который, для однихъ, есть міръ побѣды труда въ борьбѣ съ капиталомъ, для другихъ — міръ справедливости и нравственныхъ идеаловъ, смѣняющихъ борьбу соперничающихъ интересовъ; для третьихъ — необходимый историческій результатъ эволюціи, подготовляемый фатально тѣмъ самымъ капиталистическимъ строемъ, который всѣми силами противится его осуществленію.

Это—слова научнаго соціализма, которыя не можетъ уже игнорировать ни одинъ современный человѣкъ.

Кто не хочетъ видѣть ихъ, тотъ самъ обрекаетъ себя на службу реакціи, которая рано или поздно все таки будетъ затоплена историческою волною. Кто видитъ ихъ, но не становится въ ряды арміи будущаго, тотъ опять таки самъ обрекаетъ себя на внутренній разладъ, на общественную бездѣятельность, на безплодное присутствіе при неизбѣжномъ процессѣ исторіи. Тотъ же, кто сталъ борцомъ за новый соціализмъ, тотъ имѣетъ передъ собой вполнѣ опредѣленный идеалъ, вполнѣ ясно начертанный путь и для него всякое отступленіе отъ этого пути, есть уже нравственное преступленіе, историческая измѣна.

*
* *

Для насъ, русскихъ, задача усложняется. Намъ приходится не только участвовать въ борьбѣ за нынѣшній всемірный соціалистическій идеалъ. Намъ приходится еще продолжать противъ архаическаго абсолютизма ту борьбу, которую намъ завѣщали прежнія поколѣнія русской интеллигенціи, ту борьбу, о послѣдовательныхъ фазисахъ которой я говорилъ на прежнихъ недавнихъ нашихъ собраніяхъ

Для насъ минуло то время, когда тревожный стихъ Лермонтова отражалъ собою разрушеніе старыхъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ и отсутствіе новыхъ Минуло время, когда вопросъ о смыслѣ религіознаго преданія могъ быть вопросомъ дня для представителей европейскаго идеализма и европейской реакціи, рядомъ съ антирелигіознымъ фанатизмомъ людей, сохранившихъ преданія богинь разума и свободы 90-хъ годовъ прошлаго вѣка Минуло время, когда Жуковскіе и Пушкины были способны, не возмущаясь, обдумывать вопросъ о возможности примиренія съ абсолютизмомъ Николая, а молодые Бѣлинскіе и Бакунины могли увлекаться гегелизмомъ въ его консервативномъ смыслѣ. Для насъ минуло и то время, когда для нашихъ либераловъ могли сливаться въ одно не особенно различное по

своимъ элементамъ цѣлое и политическіи умѣренный либерализмъ, и пламенный радикализмъ, не смѣвшій коснуться экономическихъ вопросовъ, и соціализмъ Оуэновъ, надѣявшійся на мирный прогрессъ кооперацiи, и ожесточенная борьба іюньскихъ дней 1848 года, и кровавая недѣля 1871 г.

Новое поколѣніе дало людей *дѣла*, которые умѣли бороться съ общественнымъ зломъ въ Европѣ подъ краснымъ знаменемъ. Оно дало въ нашемъ отечествѣ тѣхъ, которые реально осуществили пророчество стиха 16-лѣтняго поэта. „Насталъ день". „Гордые", хотя „міромъ осужденные", русскіе люди и русскія женщины взошли на „мѣсто казни" среди „проклятій" „не всѣхъ" тѣхъ, кто служитъ народу русскому, но „всѣхъ" „презрѣнныхъ рабовъ власти", и „кончили жизнь" „ужасною смертью", „удивившею чуждые края", какъ бы повторяя предъ товарищами и предъ новымъ поколѣніемъ стихъ поэта

„Смотри какъ умираютъ люди"

и завѣщая своимъ братьямъ то-же служеніе единству мысли и дѣла, ту-же неумолимую борьбу съ общественнымъ зломъ, ту-же вѣчную месть своимъ палачамъ.

Дѣло, какъ нераздѣльное отъ живаго убѣжденія, дѣло, какъ законченный результатъ зрѣлой и здоровой мысли, стало передъ нынѣшнимъ русскимъ развитымъ читателемъ Лермонтова, какъ самое существенное, какъ единственно характеристическое его завѣщаніе. Но это —дѣло не оторванное отъ работы мысли; это—результатъ ея; и передъ русскимъ развитымъ человѣкомъ нашей эпохи, идеалы стараго и новаго времени возникаютъ не въ случайной спутанности, не въ тревожномъ противурѣчіи между „безплодной наукой" и живымъ вѣрованіемъ, не въ видѣ „бремени познанія и сомнѣнія", а какъ послѣдовательные фазисы исторической эволюціи человѣческой мысли, каждый изъ которыхъ завѣщанъ намъ духовными нашими предками; какъ обязанность историческаго дѣла, имѣющаго свое

мѣсто въ эволюціи человѣчества и не отрицающаго другихъ, все расширяющихся идеаловъ.

Спросимъ-же себя, не повторилъ ли бы поэтъ, оставившій міръ въ началѣ 40-выхъ годовъ, свое осужденіе окружающаго его поколѣнія, если-бы онъ воскресъ среди насъ, если-бы онъ вглядѣлся въ людей, которые вымучили у другого поэта слова: „бывали хуже времена, но не было подлѣй“? Что сказалъ бы онъ о поколѣніи, которое въ своихъ мыслителяхъ, считающихся наиболѣе смѣлыми, въ присутствіи самыхъ реальныхъ задачъ, послѣ Герцена и Чернышевскаго, послѣ эпохи Дарвина и Маркса, эпохи сравнительной миѳологіи и всемірныхъ рабочихъ конгрессовъ, находитъ возможнымъ вернуться къ вопросамъ вѣрованій, какъ-бы считая авторитетными слова книгъ, писанныхъ еще тогда, когда каждую минуту ожидали конца міра и въ облакахъ уже видѣли Новый Іерусалимъ? Какой „презрительный стихъ“ бросилъ бы человѣкъ, требовавшій неумолимаго дѣла, воплощающаго столь же неумолимую мысль, на проповѣдниковъ „непротивленія злу“ и на зараженныхъ почти повальной трусостью либеральныхъ преемниковъ Бѣлинскаго и Герцена, „ничѣмъ не жертвующихъ ни злобѣ, ни любви“, не способныхъ даже энергически поддержать дѣйствительныхъ самоотверженныхъ борцовъ за грозное дѣло въ пользу народа? Какъ отнесся бы онъ къ тѣмъ современнымъ дѣятелямъ, которые когда-то стояли въ первыхъ рядахъ русскихъ соціалистовъ, можетъ быть и теперь сохранили въ глубинѣ души соціалистическія убѣжденія, вызванныя въ нихъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ послѣдняго времени, но которые въ картинѣ этого движенія тщательно прячутъ отъ глазъ европейской публики его соціалистическій элементъ, пытаясь отрицать для своего отечества тѣ самыя общественныя побужденія, которыя составляютъ теперь единственнаго прогрессивнаго двигателя исторической жизни? А онъ могъ-бы въ еще большей глубинѣ современной тины русскаго общества, еще го-

раздо ниже, разглядѣть, въ ихъ нравственномъ паденіи, еще болѣе позорный продуктъ нашей эпохи: это тѣ вчерашніе товарищи героевъ-мучениковъ, которые вымолили себѣ презрительное помилованіе, цѣлуя кровавую руку императорскаго самодержавія, отмаливая свое прошедшее въ православныхъ церквахъ, гдѣ славословятъ это самодержавіе, становясь сами его хвалителями и пачкая своимъ присутствіемъ даже то дряблое общество, которое ихъ терпитъ въ своей средѣ.

Можетъ быть тревожный поэтъ 30-хъ годовъ, вглядѣвшись въ современность съ тѣмъ художественнымъ угадываніемъ, которое его характеризовало, не удостоилъ бы всѣ эти общественныя болячки нашего времени слишкомъ тщательнаго разбора, но остановился бы охотнѣе на томъ, за что борется небольшое меньшинство русскихъ людей, которые составляютъ единственный живой элементъ будущности нашего отечества; на тѣхъ завѣтахъ прошедшаго и настоящаго, которые были смутны для людей 30-тыхъ годовъ, но теперь ярко горятъ надъ историческимъ міромъ.

Русскій развитой человѣкъ 90-хъ годовъ унаслѣдовалъ отъ своихъ общечеловѣческихъ предковъ и непосредственныхъ предшественниковъ три завѣщанія, отъ которыхъ онъ не имѣетъ права отрѣчься, не отказываясь въ то-же время отъ исторической жизни человѣчества послѣднихъ вѣковъ; не измѣняя своей обязанности служить своему народу, требующему отъ развитыхъ своихъ членовъ усиленной работы для завоеванія ему надлежащаго мѣста въ современной исторіи; не отрекаясь отъ того движенія, кипящаго теперь во всемъ мірѣ, которое одно можетъ открыть лучшее будущее для насъ, точно также какъ и для всѣхъ народовъ.

*
* *

Русскій развитой человѣкъ унаслѣдовалъ отъ поколѣній, создавшихъ новую европейскую цивилизацію, неустранимое историческое требованіе, что новое ев-

ропейское общество есть общество *свѣтское* и *только* свѣтское; что его теоретическою основою можетъ быть только критическая научная мысль; что эта мысль непримирима ни съ какою уступкою религіознымъ переживаніямъ, метафизическимъ построеніямъ; что научная философія, съ ея реальнымъ пониманіемъ міра и человѣческаго общества, съ ея борьбою противъ всѣхъ призраковъ, есть единственная схема не только всякаго достойнаго нашего времени процесса мысли, но единственная прочная почва правильной борьбы съ политическимъ застоемъ, съ экономическою эксплуатаціею и со страданіями рабочихъ милліоновъ Вопросъ о религіи и метафизикѣ не есть теперь даже вопросъ борьбы фанатическихъ партій; антирелигіозный фанатизмъ въ наше время такой же архаизмъ, какъ богоматерь троеручица, чудеса Лурда или разговоры спиритовъ съ мертвецами; это просто — вопросъ научнаго констатированія. Наука указала въ вѣрованіи дикаря антропофага, въ бредѣ помѣшаннаго, въ забавѣ ребенка реальные корни тѣхъ миѳовъ и обрядовъ, въ которыхъ люди прежнихъ періодовъ искали общенія съ жизнью изящныхъ боговъ Олимпа, грознаго законодателя евреевъ на Синаѣ, сына Божія, воплощеннаго въ Виѳлеемѣ. Наука прослѣдила психологическій процессъ, который внесъ въ ученіе прошлаго времени и представленіе о невещественной душѣ отдѣльнаго человѣка, и идеи Платона, и безусловный духъ Гегеля, и безсознательную міровую волю пессимистовъ. Наука развѣяла призраки, завертывавшіе процессъ исторіи и въ мистическій Промыслъ, руководящій человѣкомъ и народами, и въ фаталистическій оптимизмъ, допускающій прогрессъ какъ бы независимо отъ усилія личности, и въ столь-же фаталистическій пессимизмъ, обрѣкающій человѣчество на безъисходныя страданія опять таки безо всякой возможности уменьшить его бѣдствія личнымъ усиліемъ. Она открываетъ передъ людьми неизвѣстную перспективу будущаго исторіи, говоря имъ: лучшее, разумнѣйшее, справедливѣйшее будущее *мо-*

жетъ быть завоевано, какъ оно *можетъ быть* и потеряно; и *единственно* путемъ усилій *вашихъ*, люди развитые, люди, живущіе историческою жизнью, люди критической мысли и нравственнаго дѣла, это завоеваніе лучшаго будущаго *можетъ* имѣть мѣсто. Всякій, кто отрицаетъ научную мысль въ пользу мысли метафизической или мысли религіозной, не только идетъ наперекоръ исторіи всего новаго времени: онъ—сторонникъ реакціи умственной. Мало того. Всѣ тѣ нынѣшніе псевдо-идеалисты, псевдо-христіане, псевдо-вѣрующіе, какъ бы они ни были смѣлы и привлекательны въ другихъ своихъ практическихъ тенденціяхъ, тѣмъ не менѣе суть представители реакціи не только въ сферѣ теоретической мысли, но реакціи и въ области чисто-политическихъ и чисто-общественныхъ вопросовъ, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть даже поставленъ надлежащимъ образомъ иначе, какъ въ обществѣ, пережившемъ заботы о вопросахъ религіозныхъ, въ обществѣ, понимающемъ реально свои реальныя задачи. Всякій прогрессистъ лагеря политическаго и соціальнаго, ищущій союзниковъ среди сектантовъ древняго обряда или древней мистики, среди поклонниковъ ненаучнаго метафизическаго идеализма, есть или слѣпецъ въ общественной жизни, или измѣнникъ собственному дѣлу, или индифферентистъ подъ знаменемъ прогресса. Всякій проповѣдникъ „непротивленія злу“ есть проповѣдникъ исторической безнравственности, такъ какъ онъ своею проповѣдью парализуетъ тѣ самыя усилія, которыя одни могутъ завоевать человѣчеству лучшее будущее.

*
* *

Упорное и рѣшительное „противленіе злу“, обязательное для всякаго развитого человѣка нашего времени, какъ оно было обязательно для развитого человѣка во всѣ эпохи, представлялось для прошлаго времени борьбою на почвѣ политической. Это была борьба за права человѣка и гражданина, борьба за участіе боль-

шинства въ общественномъ договорѣ. Эта борьба наполняетъ своими героическими дѣлами и преступленіями все минувшее Европы. Она была унаслѣдована и русской интеллигенціей прежнихъ поколѣній, какъ борьба съ абсолютизмомъ императорства. Я имѣлъ случай въ прежнихъ собраніяхъ говорить объ этой борьбѣ на почвѣ революціоннаго дѣла у декабристовъ, на почвѣ идейной въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ русской интеллигенціи. Я не остановлюсь на ней теперь. Я напомню лишь, что эта борьба была естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ перехода общественнаго строя новой Европы отъ религіознаго принципа къ принципу свѣтскому; что она неизбѣжно должна ослабѣть во всякомъ обществѣ, которое вздумаетъ опираться на начала метафизическаго идеализма или религіозной мистики. Напомню, что эта борьба не только не устраняется въ наше время выступленіемъ на первый планъ общественной жизни вопросовъ экономическихъ, но что именно во имя соціализма она получаетъ свой раціональный и ясный характеръ, какъ борьба не за смѣну господства одной группы людей господствомъ другой, но какъ борьба за право большинства обездоленныхъ жить человѣческою жизнью, организоваться въ историческую силу, проповѣдывать свои убѣжденія и побѣдить эксплуатирующее его меньшинство. Политическіе идеалы XVIII-го вѣка, осуществленные либеральною буржуазіею 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, могли и даже должны были вызывать разочарованіе и возмущеніе въ искреннихъ людяхъ того времени, такъ какъ воплощеніе ихъ въ борьбу Росселя съ Дизраэли или Тьера съ Гизо не имѣло въ сущности ничего идеальнаго. Но въ наше время политическіе идеалы, слившись съ экономическими, получили снова жизненность и способность воодушевлять людей на героическія дѣла и на героическія смерти. Красное знамя имѣло своихъ героевъ и свои обширные мартирологи. Русскіе соціалисты въ своей политической борьбѣ успѣли выставить героевъ и мучениковъ. Они приня-

ли отъ дѣдовъ и отцовъ завѣтъ неумолимой борьбы противъ абсолютизма, какъ высшаго политическаго зла: они разглядѣли въ этомъ высшемъ злѣ и помѣху русскому соціалистическому дѣлу, помѣху, которая *должна* быть разрушена. Они, вмѣстѣ со всею русскою интеллигенціей прошлаго времени, передали этотъ завѣтъ и русской молодежи 90-хъ годовъ. Лишь тотъ изъ русскихъ можетъ называть себя человѣкомъ развитымъ, который усвоилъ ненависть къ русскому абсолютизму; тотъ, кто готовъ принести въ этой борьбѣ въ жертву свое благосостояніе и, если нужно, свою жизнь.

*
* *

Рядомъ съ этими двумя наслѣдіями прошлыхъ поколѣній, поколѣнія 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ имѣютъ предъ собою девизъ все шире развертывающагося надъ цивилизованнымъ міромъ краснаго знамени научнаго соціализма. Я слишкомъ часто и слишкомъ много говорилъ и писалъ о немъ въ разное время, чтобы мнѣ нужно было и этотъ разъ остановиться на его современномъ значеніи; къ тому же я опасаюсь, что я утомилъ слушателей своею рѣчью. Тридцатые годы не знали этого идеала въ его современномъ значеніи, идеала, опирающагося на научную критику, на интересы огромнаго большинства рабочихъ и на нравственныя требованія справедливаго общественнаго строя. Эти годы лишь страдали жаждою этого нарождающагося, но невидимаго имъ идеала. Они только готовили людей іюньской борьбы и парижской коммуны. Они готовили Марксовъ и Лассалей. Они, въ реалистической народнической беллетристикѣ, въ пламенной критикѣ Бѣлинскаго, въ нескончаемыхъ спорахъ московскихъ кружковъ Герцена, Бакунина, Станкевича, въ тревожныхъ стихахъ Лермонтова — готовили будущихъ Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ, Перовскихъ и Желябовыхъ, людей единства мысли и дѣла. Они готовили героевъ пропаганды въ народѣ первой половины

70-хъ годовъ и грознаго Исполнительнаго комитета начала 80-хъ

Позвольте мнѣ вѣрить, что они готовили и молодежь 90-хъ годовъ; вѣрить, что ея соціалистическія убѣжденія отрицаютъ всѣ мистическіе и метафизическіе призраки, и вызываютъ самую неумолимую ненависть къ императорскому абсолютизму; вѣрить наконецъ, что она съумѣетъ исполнить свой историческій долгъ, съумѣетъ припомнить и „забытыя слова" Щедрина и требованіе единства мысли и дѣла Лермонтова. Я вѣрю, что тѣ изъ этой молодежи, кого уже постигла или постигнетъ тюрьма и ссылка, вернутся изъ нихъ столь же вѣрными своимъ убѣжденіямъ, какъ вернулось большинство декабристовъ послѣ каторжнаго царствованія Николая. Вѣрю, что другіе, продолжающіе борьбу своихъ братьевъ, съумѣютъ организоваться для болѣе успѣшной борьбы въ новый каторжный періодъ русской жизни, съумѣютъ, наконецъ, и ниспровергнуть своего врага, врага Россіи.

***

Передъ поколѣніемъ 90-хъ годовъ, какъ я уже говорилъ на прошедшемъ собраніи, стоитъ трудная, но великая задача. Оно вступило въ реальную жизнь, когда сошли въ могилу самые крѣпкіе бойцы; когда чувствуютъ себя одинокими послѣдніе оставшіеся хранители истиннаго преданія русской интеллигенціи; когда иные изъ нихъ начинаютъ колебаться, идутъ на уступки мистикѣ и метафизикѣ, призракамъ цезаристскаго соціализма, отрицающаго борьбу за политическую свободу, или призракамъ политики отреченія отъ общественныхъ идеаловъ соціализма, сторонясь отъ прогрессивнаго теченія современной исторіи. О тѣхъ, кто колеблется, кто ищетъ убѣжища отъ тревожныхъ вопросовъ злобы дня въ убаюкиваніи личной жизни и филантропіи, въ искуствѣ и въ наукѣ, можно лишь пожалѣть и сказать имъ: всмотритесь внимательнѣе въ собственные ваши идеалы и вы будете при-

нуждены расширить ихъ. — Но для тѣхъ, устъ которыхъ коснулась живая струя современнаго дѣла, для тѣхъ, кто понялъ требованія научнаго мышленія, требованія нравственнаго служенія широкимъ общественнымъ убѣжденіямъ, для тѣхъ примиреніе съ призраками прошлаго есть униженіе человѣческаго достоинства; примиреніе съ общественнымъ врагомъ есть измѣна русскому народу; выступленіе изъ рядовъ воинствующихъ соціалистовъ есть бѣгство съ поля великой битвы за будущность человѣчества, битвы, которая закипаетъ въ цѣломъ мірѣ.

Поэтъ, въ память котораго мы собрались сегодня, нарисовалъ образъ бѣглеца съ поля битвы. Позвольте мнѣ вѣрить, что отступникъ и измѣнникъ русскому общественному дѣлу встрѣтитъ въ рядахъ всѣхъ развитыхъ русскихъ людей то возмущеніе и презрѣніе, которое встрѣтилъ бѣглецъ Лермонтова въ рядахъ своихъ. Я вѣрю, что прежніе друзья и учителя оттолкнутъ его отъ своего порога; что любимая женщина отвернется съ презрѣніемъ отъ „измѣнившаго своимъ“; что родная мать скажетъ ему: „ты рабъ и трусъ, и мнѣ не сынъ“; что презрѣніе современниковъ и исторіи ляжетъ на его имя.

Люди 30-тыхъ годовъ, для которыхъ будущее было „пусто и темно“ могли *тогда* выражать свою душевную боль тревожнымъ стихомъ и работать лишь въ области *мысли Теперь* предъ новымъ поколѣніемъ стоитъ вполнѣ опредѣленное *дѣло* и этому поколѣнію остается выбрать между твердою рѣшимостью бороться за великое историческое дѣло или добровольною слѣпотою къ современнымъ задачамъ, добровольнымъ отреченіемъ отъ исторической жизни, измѣною и завѣтамъ лучшихъ людей минувшаго, и убѣжденіямъ лучшихъ борцовъ настоящаго времени.

18 Ноября 1891 года.

ЗАДАЧА II ДОЛГЪ.

(Прочитано 14/2 іюня 1897 г.)

Дорогіе товарищи.

Вы излишне балуете насъ, стариковъ, вашимъ молодымъ привѣтомъ, вашимъ горячимъ сочувствіемъ. Но еще болѣе вы балуете насъ напоминаніемъ о какихъ-то „заслугахъ". Лишь тогда, когда въ человѣкѣ угасла мысль, когда для него совсѣмъ прекратилась дѣятельность, позволительно живому поколѣнію вспоминать о его будто-бы заслугахъ. Пока онъ живъ, пока жизненная энергія позволяетъ еще дѣйствовать, пока въ груди его не замолкло живое слово, до тѣхъ поръ передъ нимъ стоитъ грозный вопросъ о томъ дѣлѣ, которое еще не сдѣлано, о томъ словѣ, которое еще не высказано. Передъ нимъ сознаніе, что онъ сдѣлалъ еще слишкомъ мало, высказалъ еще не все, что̀ ему слѣдовало сказать. Передъ нимъ суровый и неумолимый долгъ обществу, который слѣдуетъ уплатить и который онъ никогда не уплатитъ сполна, а можетъ только одно: передать остальную огромную долю этого долга новому поколѣнію.

И на этомъ собраніи, гдѣ молодая русская интеллигенція дѣлаетъ мнѣ честь посылая мнѣ свой привѣтъ, который мнѣ такъ дорогъ, я позволю себѣ отвѣтить моимъ молодымъ товарищамъ не напоминаніемъ о томъ,

какъ люди новыхъ поколѣній соціалистовъ-борцовъ послужили и служатъ исторіи, жертвуя благами жизни, идя въ ссылку, въ тюрьму, на каторгу, на висѣлицу за свои убѣжденія. Сколько бы они ни сдѣлали, ихъ дѣло еще не сдѣлано, пока оно не окончено. Сколькобы они ни выстрадали, ихъ страданія ничто передъ страданіями народныхъ массъ, которыя своимъ трудомъ создали современную интеллигенцію, дозволяя новымъ поколѣніямъ понять сущность общественнаго зла и выработать въ себѣ энергію для борьбы съ этимъ зломъ.

Да, дѣло еще не сдѣлано.

Много нашихъ товарищей послѣдовательныхъ поколѣній русской передовой интеллигенціи легло въ могилу, продолжая борьбу съ бичами русской земли. и все таки передъ вами, новымъ поколѣніемъ этой интеллигенціи, остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ объ уплатѣ громаднаго долга русскому народу, какъ передъ интеллигенціей всѣхъ народовъ стоитъ еще не разрѣшеннымъ вопросъ о долгѣ этой интеллигенціи трудящимся массамъ. Надъ русской землей стоитъ абсолютизмъ, деморализующій и массы, и интеллигенцію на сколько онѣ не протестуютъ противъ его наслѣдства. Надъ историческимъ міромъ стоитъ еще капитализмъ, высасывающій изъ массъ всѣ ихъ жизненныя силы, на сколько эти массы не стремятся организоваться въ историческую силу для борьбы съ нимъ. Протестъ и борьба противъ этихъ враговъ есть неоплатный долгъ, лежащій на каждомъ человѣкѣ, дерзающемъ себя причислять къ той интеллигенціи, которая *понимаетъ;* лежащій на каждой личности, добровольно ставшей въ ряды борцовъ за правду.

Неумолимо движется впередъ исторія. Автоматически падаютъ подъ ея ударами однѣ общественныя формы, чтобы смѣниться новыми. Личныя страсти и личныя убѣжденія ничтожны передъ громадными силами обусловливающими этотъ процессъ. Но, чтобы онъ совершился, необходимо, чтобы его орудіемъ яви-

лась страстная, энергическая, убѣжденная личность. Изъ милліардовъ этихъ безсильныхъ съ виду маленькихъ единицъ создается неодолимая историческая сила, и передъ каждымъ изъ васъ въ каждую минуту исторіи ставится тотъ же грозный вопросъ: что сдѣлалъ и что намѣренъ сдѣлать *ты* для великаго дѣла, которое ты понялъ, хотя бы отчасти? Каково должно быть *твое* участіе въ великомъ процессѣ, около тебя и *въ тебѣ* совершающемся? Истина это или иллюзія, но *ты*, рѣшившійся бороться за правду, *ты*, ставшій подъ знамя лучшаго будущаго, отвѣтственъ передъ твоимъ убѣжденіемъ за то, что̀ ты сдѣлалъ, за то, что̀ ты дѣлаешь, за то, что̀ около тебя и въ тебѣ совершается.

И потому, обращаясь къ вамъ, членамъ русскаго интеллигентнаго молодого поколѣнія, съ благодарнымъ словомъ за вашъ братскій привѣтъ, мнѣ приходится повторить снова и снова то, что̀ мнѣ приходилось говорить не разъ въ той или другой формѣ. Не будемъ говорить о заслугахъ: пока абсолютизмъ царитъ въ Россіи, пока капитализмъ давитъ человѣчество, до тѣхъ поръ интеллигенція не имѣетъ права даже думать о какихъ бы то ни было своихъ заслугахъ. Она должна лишь помнить о недодѣланномъ своемъ дѣлѣ. Всѣмъ намъ, старымъ и молодымъ, приходится помнить лишь о *долгѣ*, который намъ надо уплатить.

Постараемся-же каждый уплатить хотя-бы долю этого долга, пока не изсякла энергія въ нашемъ тѣлѣ, пока мы въ состояніи мыслить, говорить и дѣйствовать. И пусть за тѣмъ неумолимый процессъ исторіи вырабатываетъ изъ нашей мысли, изъ нашихъ словъ, изъ нашихъ дѣйствій тѣ результаты, которые лежатъ внѣ нашихъ единичныхъ силъ, отчасти и внѣ нашего личнаго пониманія.

Будемъ каждый дѣлать свое дѣло и предоставимъ нарождающимся или даже еще не родившимся поколѣніямъ оцѣнивать, если они окажутся, наши заслуги.

ПОЖЕЛАНІЯ НА НОВЫЙ 1898 ГОДЪ.

(Сказано 12 января 1898 г нов. ст).

—

Привѣтствуя съ русскимъ Новымъ годомъ тѣхъ, которые сдѣлали мнѣ удовольствіе здѣсь у меня собраться, я уже не могу обратиться къ нимъ съ заранѣе обдуманною рѣчью, но все таки мнѣ хотѣлось-бы вамъ пожелать на новый наступающій годъ что́-либо, не само по себѣ разумѣющееся, въ то же время и не вызывающее между нами разногласій. При этомъ, говоря *мы*, я подразумѣваю не только тотъ тѣсный кружокъ моихъ пріятелей, который теперь около меня, но всю мыслящую долю русскихъ заграничныхъ колоній.

Но это не легко.

Само собою разумѣется, что мы желаемъ для цѣлаго міра торжества солидарности человѣчества, а это, для большинства изъ насъ, соотвѣтствуетъ представленію о торжествѣ соціализма. Само собою разумѣется, что мы желаемъ паденія русскому абсолютизму, какою формою государства мы ни надѣялись бы замѣнить его. Само собою разумѣется, что всѣ мы желаемъ поднятія культуры русскаго народа, свободы русскому слову,

возвращенія къ общественной дѣятельности нашихъ товарищей, еще страдающихъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ за свои убѣжденія. Все это—само собою разумѣется; все это — желанія для будущаго еще отдаленнаго, и чуть ли не каждый изъ насъ знаетъ, что это будущее еще не близко; наконецъ, я столько разъ говорилъ объ этомъ, столько разъ высказывалъ эти желанія, какъ общія намъ всѣмъ, что не имѣю въ виду въ настоящую минуту къ нимъ возвращаться.

Но какъ только съ почвы этихъ общихъ намъ всѣмъ идей мы переходимъ къ подробностямъ, намъ грозитъ рознь, такъ какъ чѣмъ крѣпче убѣжденіе каждаго, тѣмъ бодрѣе онъ стоитъ за всякую подробность своихъ идеаловъ, отличающую ихъ отъ другихъ общественныхъ задачъ. Начинаются разногласія между соціальдемократами, народниками, политическими заговорщиками, террористами, анархистами, сторонниками крѣпкой организаціи, сторонниками культурной работы въ средѣ интеллигенціи и въ средѣ народа и т. д., и т. д. Я вовсе не желаю сегодня подчеркивать эту неизбѣжную рознь въ ея правомѣрныхъ элементахъ и въ томъ, что́ я считаю ея заблужденіями и отклоненіемъ отъ истиннаго пониманія общественныхъ задачъ.

Я сознаю трудность дилеммы, которая передо мною, но мнѣ кажется, что исходъ изъ нея не невозможенъ. Мнѣ хотѣлось бы напомнить вамъ одинъ пунктъ, не входящій ни въ символъ вѣры громадныхъ теченій политическихъ и соціальныхъ нашего времени, ни въ насущный девизъ борьбы специализированныхъ партій, но, тѣмъ не менѣе, для меня довольно важный. Желанія, которыя я при этомъ выскажу на новый наступающій годъ и на ближайшіе къ намъ годы, очень скромны, но я позволю себѣ думать, что они могутъ быть общи всѣмъ мыслящимъ русскимъ.

Нѣсколько поколѣній русской молодежи прошло передо мною въ русской парижской колоніи. Когда мнѣ приходилось говорить съ новыми прибывающими ея членами, рѣдко я слышалъ непосредственную рѣши-

мость оторваться отъ всего прежняго и начать новую жизнь въ новой средѣ съ новыми интересами. Большею частью мнѣ говорили другое: „мы здѣсь на время; случайные поселенцы, мы рвемся душой въ Россію; черезъ годъ-полтора мы вернемся къ *своему* дѣлу, къ работѣ въ деревнѣ или на заводѣ, къ агитаціи среди товарищей, къ террористическому заговору, къ той или другой формѣ борьбы съ русскимъ абсолютизмомъ". За тѣмъ проходили годы. Одна доля временныхъ членовъ русской колоніи исполнила то, что говорила. Она вернулась къ попыткамъ прямой личной и коллективной борьбы съ русскимъ правительствомъ, къ попыткамъ организаціи русскихъ рабочихъ или хотя бы къ скромной культурной работѣ въ школахъ. Смерть вдали отъ родины подкосила для другихъ всѣ планы на будущую дѣятельность Для немногихъ явилась исключительная возможность сохранить общеніе съ тѣми, кто работалъ на родинѣ и продолжать свое дѣло издали въ рядахъ борцовъ-товарищей Но то были исключенія. Для другихъ—и такихъ оказалось, можетъ быть, всего больше — проходившіе одинъ за другимъ годы иначе видоизмѣняли прежнія страстныя желанія вернуться на родину и бороться на *ея* почвѣ, противъ *ея* болей. Эта цѣль отодвигалась все дальше; она все блѣднѣла, обращалась все болѣе въ смутное стремленіе.

Какія были тому причины?

Для однихъ онѣ были очень просты и ясны. Возвращеніе на прежнюю почву, борьба въ прежнихъ рядахъ, была для этихъ русскихъ *невозможна*. Была ли то слишкомъ явная опасность политическаго самоубійства, лишенія себя всякихъ средствъ осуществить не только свой идеалъ, но даже самыя скромныя жизненныя цѣли; или то была та горькая борьба за кусокъ хлѣба, которая отрѣзываетъ для милліоновъ всѣ пути къ борьбѣ за идеи: или-же ихъ подавила другая враждебная сила, оцѣнка неодолимости которой остается глубочайшимъ вопросомъ совѣсти самой личности — но

на всѣхъ ихъ давили, на всѣхъ ихъ давятъ *внѣшнія* препятствія, и для всѣхъ ихъ можно высказать скромное желаніе, чтобы эти *внѣшнія* препятствія ослабѣли; чтобы условія существованія мыслящаго человѣка въ Россіи облегчились хотя на незначительную степень; чтобы хотя доля нелегальныхъ русскихъ эмигрантовъ могла въ нее вернуться не измѣняя своему дѣлу; чтобы для другихъ ихъ русскіе товарищи съумѣли создать среду, хотя бы нѣсколько обезпечивающую ихъ безопасность. Если мы безсильны передъ мѣрами власти, удушающей все мыслящее въ Россіи, то наши товарищи въ Россіи едва ли поставлены въ полную невозможность оградить „нелегальнаго“ отъ опасности ему угрожающей, а если это для нихъ *возможно*, то не находятъ ли они это для себя и *обязательнымъ*?

Но внѣшнія препятствія суть далеко не единственныя для члена русской колоніи за-границей. Проходящіе годы, новыя жизненныя заботы, новые интересы окружающей среды дѣйствуютъ очень часто губительно на идейную связь съ родиною вольнаго и невольнаго русскаго колониста въ Европѣ. Блѣднѣютъ его представленія о томъ, что́ дѣлается на родинѣ; интересы русскаго народа заслоняются интересами ближайшей жизненной среды. Опасности и неудобства возвращенія сами собою преувеличиваются. Изъ *нѣсколько* болѣе опаснаго, изъ *нѣсколько* болѣе неудобнаго положенія, изъ *нѣсколько* болѣе стѣсненныхъ условій жизни выростаетъ само собою убѣжденіе въ *невозможности* возвращенія въ прежнюю среду, къ прежней борьбѣ. Ослабѣваетъ сознаніе, что для мыслящаго русскаго, для того, кто не разорвалъ идейной связи съ русскимъ народомъ, всякая дѣятельность на его пользу за границей есть лишь *половинное* дѣло, если и не того менѣе; что лишь *въ предѣлахъ Россіи* можно служить съ какимъ-либо успѣхомъ народу культурно или революціонно; что лишь *тамъ* возможна и попытка организаціи русской рабочей партіи, и цѣлесообразный заговоръ противъ абсолютизма, и дѣятельная пропаганда

соціализма, и энергическая революціонная агитація, и сколько нибудь полезная культурная работа. Ослабленіе сознанія этой элементарной истины есть *внутреннее* препятствіе къ осуществленію того желанія возвратиться на родину для службы своему общественному идеалу, которое одушевляетъ чуть ли не каждаго новаго члена русскихъ колоній за границей. И это препятствіе едва ли не печальнѣе всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ преѣпятствій, о которыхъ я только что говорилъ.

Эти внѣшнія и внутреннія препятствія служить русскому народу, трудъ и страданія котораго выработали для насъ и возможность мыслить, и возможность жить почеловѣчески, не менѣе важны чѣмъ великіе принципы, насъ соединяющіе, а, въ то-же время, общи всѣмъ намъ, государственникамъ и анархистамъ, агитаторамъ на фабрикахъ и въ крестьянской общинѣ, заговорщикамъ и культурникамъ. По этому я считаю себя въ правѣ вмѣстѣ со всѣми мыслящими членами русскихъ колоній высказать желаніе:

Да ослабѣютъ по возможности тѣ *внѣшнія* препятствія къ возвращенію членовъ русскихъ колоній въ Россію, препятствія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ это возвращеніе, какъ для легальнаго русскаго, вслѣдствіе административныхъ мѣръ, такъ и для нелегальнаго, вслѣдствіе недостатка организаціи революціонныхъ силъ въ Россіи.

Да исчезнутъ тѣ еще болѣе гибельныя *внѣшнія* препятствія къ этому возвращенію, которыя деморализуютъ русскія колоніи за границей, заслоняя во многихъ членахъ этихъ колоній интересы русскаго народа заботами новой среды или даже интересами личными!

Скромны эти желанія, но на сегодня я довольствуюсь ими.

АННІБАЛОВЫ КЛЯТВЫ.

По поводу памяти Бѣлинскаго.

Послано для прочтенія 7 мая 1898 г. на собраніи русскихъ*)

Сегодня русская колонія въ Парижѣ какъ бы заявляетъ свою солидарность съ многочисленными собраніями русскихъ, чествующихъ въ этомъ году память одного изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей нашей литературы и нашего общества. Передъ русскою иттеллигенціею 90-хъ годовъ этого вѣка встали многочисленные вопросы, которыхъ не знали люди его первой половины. Разнообразны слои этихъ жизненныхъ вопросовъ, волнующихъ новыя поколѣнія и вызывающихъ въ нихъ сознаніе *общаго* дѣла и сознаніе разницы въ соперничающихъ фракціяхъ; но, подъ этими слоями, добросо-

*) Эту рѣчь я имѣлъ въ виду лично-прочесть на русскомъ собраніи въ память Бѣлинскаго, но болѣзнь помѣшала мнѣ исполнить это намѣреніе Кромѣ того способъ созыва этого собранія навелъ меня въ послѣднюю минуту на мысль, что на него, какъ и на *дозволенныя* собранія въ Россіи по тому же поводу, могутъ сойтись такіе мои соотечественники, которымъ будетъ *неудобно* выслушивать эту рѣчь въ томъ видѣ какъ она написана. Я и послалъ ее для прочтенія въ нѣсколько смягченной формѣ. Здѣсь ничто не мѣшаетъ помѣстить ее въ первоначальномъ видѣ.

вѣстный наблюдатель признаетъ одну и ту же старую почву: и новое *общее* дѣло, и частныя задачи новыхъ *фракцій* русской интеллигенціи выросли на той почвѣ, которую выработали литературные энтузіасты 40-выхъ годовъ, тѣхъ годовъ, лучшимъ и самымъ характеристическимъ воплощеніемъ которыхъ былъ Бѣлинскій. Его учениками признавало себя поколѣніе, непосредственно за нимъ слѣдовавшее. Его имя пишутъ во главѣ родословной своей умственной эволюціи и тѣ, которые вдумались въ сложный комплексъ нынѣшнихъ, уже гораздо болѣе сложныхъ, общественныхъ и литературныхъ задачъ.

И вотъ изо всѣхъ концовъ Россіи летятъ извѣстія о чествованіи Бѣлинскаго. Его поклонниками, его учениками, его послѣдователями провозглашаютъ себя люди всѣхъ поколѣній. Его чествуютъ и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ захолустьяхъ — гдѣ теперь, повидимому, какъ бы автоматически, но все шире идетъ культурная волна, рядомъ съ тяжелымъ гнетомъ, лежащимъ на всемъ томъ, что́ не довольствуется культурными успѣхами; на всемъ томъ, что́ бьется надъ внесеніемъ въ жизнь русскаго народа болѣе широкихъ идейныхъ началъ. Вся интеллигентная Россія находится въ рядахъ чествователей Бѣлинскаго и внѣ этого общаго признанія остаются лишь тѣ, со стороны которыхъ прославленіе было бы оскорбленіемъ памяти великаго русскаго общественнаго дѣятеля на почвѣ литературы.

Онъ заслужилъ этотъ почетъ. Онъ дѣйствительно былъ воплощеніемъ историческаго момента въ жизни русской интеллигенціи и какъ писатель, и какъ человѣкъ. Но заслужили ли право его чествовать, заслужили ли право признавать себя его учениками всѣ тѣ, которые теперь толпятся на празднествахъ въ его честь? тѣ, которые произносятъ торжественныя рѣчи, гдѣ повторяется его имя?—Поколѣніе его современниковъ вымерло или окончательно вымираетъ. Предъ молодымъ поколѣніемъ, представители котораго меня ок-

ружаютъ здѣсь, лежитъ еще будущее и имъ лишь въ этомъ будущемъ слѣдуетъ показать, съумѣютъ ли они быть учениками Бѣлинскаго какъ писателя и какъ человѣка, сдѣлавшись борцами въ рядахъ новаго поколѣнія. Но вотъ въ рядахъ чествователей люди, которые, какъ дѣятели 50-хъ, 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, передавая другъ другу имя стараго учителя, какъ святыню, и теперь находятъ возможнымъ громко провозгласить свое поклоненіе этой святынѣ. Почтили ли они, эти ученики и поклонники, *жизнью* и *дѣломъ* память учителя? Бились ли они за его идеалы противъ враговъ его ученія и его памяти съ тѣмъ единствомъ и съ тѣмъ самоотверженіемъ, которое одно могло быть истиннымъ, искреннимъ чествованіемъ „неистоваго Виссаріона“?

Прошло 50 лѣтъ послѣ его смерти. Мы всѣ знаемъ теперь, какъ пережилъ великій учитель свои послѣдніе годы; какой почетъ ждалъ его въ то время, которое слѣдовало за его смертью. Припомнимъ, какъ рисуется предъ нами въ ту эпоху образъ того, кого теперь чествуетъ вся Россія, кому теперь русскіе люди воздвигаютъ памятники?

Художникъ уловилъ образъ Бѣлинскаго на его смертномъ одрѣ. Что изображаетъ картина? Жандармъ приходитъ справиться у постели умирающаго, можно ли ему тащить къ отвѣту предъ палачами того, кому теперь собираются воздвигнуть памятникъ? А чего можно было ждать отъ этихъ палачей, можно заключить изъ того, что въ это самое время Батенковъ, за дѣло, восходившее болѣе чѣмъ четверть вѣка назадъ, только что отсидѣлъ „двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, въ полутемной комнатѣ въ 10 шаговъ въ длину и 6 въ ширину“. Какое чествованіе ожидало Бѣлинскаго въ первые годы послѣ его смерти, можно узнать изъ того, что его имя не смѣли произнести предъ лицомъ благочестивѣйшаго императора, когда тотъ случайно обратилъ вниманіе на его дочь-подростка, воспитывавшуюся въ заведеніи, которое самодержецъ удостоилъ

своимъ посѣщеніемъ. И когда самый непосредственный и самый могучій преемникъ критика захотѣлъ, недолго послѣ смерти своего предшественника, напечатать очеркъ періода русской литературы, наполненнаго дѣлами его, Бѣлинскаго, этотъ преемникъ не имѣлъ права даже упомянуть, что онъ пишетъ исторію „періода Бѣлинскаго".

Да, память о великомъ писателѣ, чествовать котораго собираются русскіе люди въ 1898 году, нераздѣльна отъ жгучаго воспоминанія о его всемогущихъ врагахъ, которые въ его лицѣ преслѣдовали всю интеллигенцію Россіи; о врагахъ, которые старались вычеркнуть самое имя Бѣлинскаго изъ лѣтописи русской литературы, пытаясь задушить всю живую мысль русской интеллигенціи; о тѣхъ врагахъ, которые отчасти и поставили Бѣлинскаго въ тѣ условія, когда человѣкъ становится наиболѣе воспріимчивымъ къ патологическимъ процессамъ, а слѣдовательно ускорили его смерть.

И вотъ передъ этими жгучими воспоминаніями о гнетѣ, давившемъ на Бѣлинскаго и на его друзей тому 50 лѣтъ, невольно спрашиваешь себя, чѣмъ въ эти полвѣка проявило свою преданность идеямъ Бѣлинскаго большинство тѣхъ, которые теперь провозглашаютъ себя его учениками и послѣдователями потому, что это теперь *дозволяется?* Чѣмъ проявило это большинство свою ненависть къ врагамъ Бѣлинскаго, къ той власти, которая сдѣлала почти все, отъ нея зависѣвшее, чтобы погубить великаго учителя и довести его дѣятельность до минимума? Никто изъ насъ не забудетъ нѣсколько почетныхъ именъ, которыя въ самые трудные годы боролись какъ могли противъ деморализующаго абсолютизма, противъ враговъ народа русскаго. Молодежь зачитывалась страницами смѣлыхъ поэтовъ и сатириковъ, гдѣ имъ удавалось воплотить въ горькое или грозное слово страданія подавленнаго народа. Цѣлыя поколѣнія этой молодежи шли въ ссылку, въ тюрьмы, на висѣлицу въ открытой борьбѣ противъ

власти, законность которой они не признавали и примириться съ которой ихъ не допускало убѣжденіе. Но борцы въ области слова сходили одинъ за другимъ въ могилу. Но борцы въ области энергическаго дѣла легли костьми въ неравной битвѣ. Лишь очень немногіе изъ этихъ истинныхъ учениковъ могутъ теперь поднять бокалъ въ честь великаго учителя, замученнаго жизнью тому полвѣка. Лишь немногіе могутъ добросовѣстно сказать теперь своему учителю: „мы исполнили твой завѣтъ; мы боролись на сколько могли и какъ могли съ твоими врагами, съ врагами русскаго народа“. Прошло полвѣка и эта враждебная власть все еще стоитъ во всей силѣ, непоколебленная, не подорванная въ своемъ разсчетѣ на полицію и на палачей. Жалкіе и наивные голоса не стыдятся толковать и теперь о надеждѣ на эту самую деморализующую власть, о приспособленіи къ существующимъ порядкамъ. Этоли достойное чествованіе того учителя, который не зналъ уступокъ?

Для меня эти празднующіе ученики гонимаго учителя могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.

Однимъ приходится лишь припомнить со стыдомъ свое прошедшее и произносить имя учителя лишь съ горькимъ сознаніемъ, что полвѣка прошло безъ того, чтобы большинство ихъ чѣмъ-либо заявило и какъ-либо внесло въ жизнь свою ненависть къ врагамъ своего учителя, свою рѣшимость продолжать его борьбу противъ царственнаго зла. Для этого большинства полвѣка прошло безъ слѣда и безъ поученія. Отъ нихъ съ возмущеніемъ отрекся бы тотъ, которого они теперь прославляютъ.

Но есть другіе, которыхъ жизнь и дѣятельность еще впереди. Есть русская молодежь, которой еще предстоитъ поставить себѣ жизненныя цѣли и работать надъ ихъ осуществленіемъ. И она идетъ толпами на празднованіе памяти Бѣлинскаго. Она еще *можетъ* быть его достойными учениками. Что приноситъ *она* на эти обще-русскія празднества? Какъ она относится

къ памяти борца сороковыхъ годовъ? Какія „аннибаловы клятвы“ ей приходится произносить надъ могилою этого борца?

И въ его время, какъ въ наше, боролись фракціи людей одинаково преданныхъ своему дѣлу, но иначе понимавшихъ свою жизненную задачу. Славянофилы и западники, сторонники старой, идеализированной Москвы и новаго, не менѣе идеализированнаго, европейскаго Петербурга, вели неумолимую литературную борьбу. Однако это не мѣшало тогда самымъ энергическимъ борцамъ въ рядахъ обѣихъ партій давать себѣ одну и ту же „аннибалову клятву“: клятву работать противъ одного и того же частнаго общественнаго зла, которое въ эту эпоху чувствовалось всѣми, какъ самое позорное пятно на нашей родинѣ. Таково было *крѣпостное безправіе*. Въ „аннибаловой клятвѣ“ противъ него сходились Бѣлинскій и Хомяковъ, Аксаковъ и Тургеневъ. Для устраненія этого *позора* отъ русской земли *возможно* было еще и содѣйствіе самодержавія въ *его* интересахъ, и въ 1898 г. людямъ 90-тыхъ годовъ съ нѣкоторымъ возмущеніемъ приходится читать объ обѣдѣ въ Москвѣ, гдѣ многіе изъ лучшихъ представителей либеральной интеллигенціи того времени поднимали бокалъ за представителя этого самодержавія, потому что съ высоты престола произволъ самодержца отмѣнилъ крѣпостничество.

Тридцать семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и на почвѣ совершившагося дѣла освобожденія крѣпостныхъ развились новыя экономическія и политическія задачи. Споры между славянофилами и западниками замѣнились чуть ли не столь же раздражительною борьбою русскихъ марксистовъ и народниковъ, анархистовъ и организаторовъ, культурниковъ и революціонеровъ, пропагандистовъ въ крестьянствѣ и на фабрикахъ. Однако едва ли я ошибусь, если выскажу свое убѣжденіе, что для всѣхъ этихъ фракцій, борющихся за разные пріемы созиданія русскаго прогресса, стали на очередь и новыя „аннибаловы клятвы“, при произнесеніи ко-

торыхъ гармонично бились бы сердца всѣхъ друзей русской земли; клятвы, произнося которыя всѣ они чувствовали бы себя союзниками и братьями. И едвали какая эпоха была бы столь знаменательна для этого, какъ моментъ, когда вся русская живая интеллигенція празднуетъ память „неистоваго Виссаріона“, самое произнесеніе имени котораго было тому полвѣка чуть ли не государственнымъ преступленіемъ.

Тому полвѣка назадъ давила на признаннаго учителя та власть, которая посылала жандарма къ его смертному одру и налагала табу на его горячее слово гражданина. И эта самая власть въ настоящую минуту посылаетъ на каторгу и на висѣлицу нашихъ братьевъ революціонеровъ; эта самая власть безцеремонно, однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ органы сторонниковъ пропаганды на фабрикахъ; эта самая власть становится поперекъ всякой живой попыткѣ мирныхъ культурниковъ внести въ русскій народъ знаніе и пониманіе. Неужели не пришло время для новой общей „аннибаловой клятвы“ бороться противъ этой власти, противъ этихъ враговъ русской жизни? Позорно было рабство эпохи Бѣлинскаго, но была еще въ то время въ цивилизованномъ мірѣ великая страна и *республика,* заклейменная тѣмъ же позоромъ. Въ настоящую минуту и этого нѣтъ: Россія одна въ цивилизованномъ мірѣ задыхается подъ гнетомъ легальнаго самодержавія. Неужели лучшимъ чествованіемъ памяти Бѣлинскаго не была бы общая клятва русской молодежи, которую теперь я одну имѣю въ виду? Какъ ваши предшественники, независимо отъ своихъ споровъ, клялись бороться противъ крѣпостного позора русской земли, такъ все то въ Россіи, что́ считаетъ себя въ правѣ чествовать имя Бѣлинскаго да произнесетъ великую клятву: бороться противъ русскаго абсолютизма; да рухнетъ та мертвая сила, которая была врагомъ Бѣлинскаго, была и осталась врагомъ русскаго народа! Да рухнетъ русское самодержавіе!

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ.

(14 Іюня 1898 г).

Дорогіе товарищи,

Когда вы меня пригласили на это собраніе, гдѣ вы почтили меня празднованіемъ моего 75-лѣтія, вашъ дружескій привѣтъ поставилъ было меня въ немалое затрудненіе. Я не знаю, благодарить ли мнѣ васъ или сѣтовать на васъ, что вы настойчиво обращаете мое вниманіе на обстоятельство, что я прожилъ три четверти вѣка. Какъ хотите, вовсе не весело человѣку припоминать, что ему 75 лѣтъ. Конечно, противъ факта спорить нельзя, а все таки мнѣ очень хотѣлось обойти это непріятное воспоминаніе. Къ счастью, выслушивая ваши почетныя — даже слишкомъ почетныя — для меня рѣчи, я увидѣлъ, что вы сами мнѣ помогаете. Многіе изъ васъ вспомнили другое и я хочу вспомнить лишь это. Я игнорирую первые полвѣка моей жизни и говорю себѣ: здѣсь русскіе соціалисты пришли поздравить товарища съ тѣмъ, что тому 25 лѣтъ, какъ онъ явно и опредѣленно выступилъ въ рядахъ арміи соціалистовъ; тому 25 лѣтъ группа русскихъ соціалистовъ довѣрила ему руководство русскаго соціалистическаго журнала. Будемъ считать мои годы не со дня случайнаго рожденія, а съ минуты моего вступленія въ ту армію, которой, какъ мы всѣ вѣримъ этому, предстоитъ завоевать міръ. Поговоримъ объ этой арміи, какова она была тогда и какова она теперь.

Эта армія представляла тогда нѣсколько иной видъ. Я живо помню, какъ буржуазная пресса за три года передъ тѣмъ громко и съ ужасомъ насчитывала 4 милліона сторонниковъ Интернаціонала и этотъ интернаціональный характеръ всемірнаго союза пролетаріевъ

былъ насущнымъ вопросомъ для всѣхъ; онъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ воображеніи и сторонниковъ, и противниковъ соціалистическаго движенія. Главнымъ органомъ послѣдняго являлись международные конгрессы. Соціалисты всѣхъ странъ прислушивались съ волненіемъ къ тѣмъ преніямъ, которыя имѣли мѣсто какъ на этихъ всемірныхъ соціалистическихъ парламентахъ, такъ и на скромной улицѣ Лондона, гдѣ предсѣдательствовалъ Карлъ Марксъ въ засѣданіяхъ Генеральнаго Совѣта, члены котораго выступали какъ делегаты соціалистической мысли въ Испаніи, въ Италіи, даже въ Россіи Соціальная революція, которая была заявленною цѣлью соціалистовъ, могла, казалось, осуществиться всюду лишь въ одной и той же формѣ эволюціи пролетаріата съ его многочисленными секціями, говорившими на всѣхъ языкахъ, съ его федеральными совѣтами, объединявшими самостоятельныя секціи соціалистическихъ національностей, съ его верховнымъ Генеральнымъ Совѣтомъ, объединявшимъ, рядомъ съ международными конгрессами, міровой пролетаріатъ. Этотъ міръ секцій, федеральныхъ совѣтовъ и Генеральнаго Совѣта, который могъ давать въ международномъ союзѣ мѣсто новымъ секціямъ или исключать изъ союза ту или другую секцію, казался тогда совершенно-естественнымъ новымъ общественнымъ организмомъ всемірной рабочей республики, организмомъ, ростъ котораго долженъ былъ сгладить различія націй и государствъ, разрушая въ самомъ своемъ процессѣ тѣ монархіи и республики буржуазіи, которыя были продуктомъ предшествующей исторіи. Новый появившійся тогда соціалистическій органъ считалъ своею обязанностью, рядомъ съ тѣмъ „что дѣлалось на родинѣ“ и съ тѣмъ рабочимъ движеніемъ, которое имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ странахъ, посвящать въ каждомъ номерѣ обобщающую главу тому движенію, которое имѣло чисто-интернаціональный характеръ и которое было, въ главной своей части, исторіей международныхъ конгрессовъ. Въ эпоху, когда выступалъ этотъ

новый органъ, единство Интернаціонала было уже подорвано. На Гаагскомъ конгрессѣ столкнулось централизующее начало Генеральнаго Совѣта съ федеральнымъ началомъ того, что́ тогда называли „анархизмомъ“. Произошелъ великій расколъ въ союзѣ пролетаріевъ и Генеральный Совѣтъ былъ перенесенъ въ другую часть свѣта, чтобы тамъ просуществовать еще нѣсколько лѣтъ, потерявъ свое прежнее значеніе. Но этотъ печальный расколъ не былъ нисколько такимъ новымъ фазисомъ эволюціи соціалистическаго пролетаріата, который ослабилъ бы единство и международный характеръ движенія, выдвигая на первый планъ мѣстныя его особенности. Вопросъ былъ о томъ, будетъ-ли преобладать въ единомъ Интернаціоналѣ принципъ централизма или федерализма. Рядомъ засѣдали два всемірные, соперничающіе конгресса, но и тотъ и другой имѣли въ виду задачи не отдѣльныхъ націй, не отдѣльныхъ государствъ, а задачи международнаго союза рабочихъ всѣхъ странъ. Тотъ и другой стремились къ торжеству всемірнаго пролетаріата въ его единствѣ. Едва ли многіе сомнѣвались тогда, что соціальная революція можетъ осуществиться лишь путемъ единаго международнаго движенія.

Прошло четверть вѣка и самая постановка вопроса воинствующаго пролетаріата измѣнилась. Генеральный Совѣтъ давно уже не существуетъ. Международные конгрессы соціалистовъ продолжаютъ собираться и привлекать вниманіе друзей и враговъ, но и тѣ, и другіе сознаютъ, что не эти конгрессы представляютъ главные органы соціалистическаго движенія; они лишь констатируютъ успѣхъ или ослабленіе этого движенія; само-же оно идетъ хотя по прежнему на общей почвѣ соціалистическихъ требованій, однако преимущественно въ каждой странѣ особо, соображаясь съ насущными требованіями этой страны. Въ 1889 г. имѣлъ мѣсто Парижскій международный конгрессъ, на которомъ Вальянъ и Либкнехтъ, при шумныхъ привѣтахъ делегатовъ всѣхъ націй, отъ имени соціалистовъ нѣмец-

кихъ и французскихъ, подали другъ другу руки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣ послѣдняго засѣданія конгресса, на частномъ совѣщаніи, поднятъ былъ вопросъ о возстановленіи Интернаціонала и его Генеральнаго Совѣта, этотъ вопросъ не былъ даже обсуждаемъ, но былъ отвергнутъ сразу, какъ несвоевременный. И такимъ во мнѣніи большинства двигателей соціализма остается онъ и до сихъ поръ. Интернаціонализмъ всѣхъ соціалистовъ есть для новой эпохи аксіома не требующая доказательства и обязательная заповѣдь соціалистическаго символа вѣры Но тактика соціалистовъ въ каждой странѣ обусловливается преимущественно не этою аксіомою, какъ бы сама собою разумѣющеюся, а особенностями политическихъ и юридическихъ условій въ каждой странѣ, при чемъ эти особенности, чуть-ли не всюду охватываютъ не только ростущую армію соціалистовъ, но и передовыя группы населенія, еще не усвоившія задачи соціализма Одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ для соціалистовъ многихъ странъ современной Европы является различное отношеніе соціалистовъ этихъ странъ къ парламентаризму, но эта разница отношеній зависитъ не отъ международнаго характера соціалистическаго движенія, а отъ того, что соціализмъ, какъ политическое движеніе, по сущности оппозиціонное нынѣшнему буржуазному государственному строю, въ однихъ странахъ можетъ стремиться къ усиленію нынѣшняго парламентаризма, какъ удобной формы оппозиціи противъ существующаго строя; въ другихъ-же странахъ въ этомъ самомъ парламентаризмѣ соціализмъ не можетъ не видѣть главнаго своего врага, самаго полнаго воплощенія власти буржуазіи, и потому не можетъ не стремиться ослабить этотъ парламентаризмъ, перенося центръ тяжести политическаго движенія въ массы.

Въ Германіи, напримѣръ, организація соціалистическихъ партій выработалась всего полнѣе; общая соціалистическая задача передачи орудій производства въ руки рабочихъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; тѣмъ не

менѣе, рядомъ съ этою задачею, передъ нѣмецкими соціалистами стоитъ, спеціально для Германіи, задача, путемъ парламентской борьбы, ослабить и побѣдить правительственный милитаризмъ и бюрократизмъ, при чемъ эта послѣдняя задача насущна для всѣхъ оппозиціонныхъ партій Германіи. Поэтому передъ нѣмецкими соціалистами естественно поставлена задача усилить парламентъ, какъ удобный для нихъ политическій органъ. Эти условія отсутствуютъ какъ тамъ, гдѣ парламентаризмъ есть главный органъ власти буржуазіи (какъ во Франціи) такъ и тамъ гдѣ онъ не существуетъ (какъ въ Россіи).

Въ Англіи традиціонный парламентаризмъ выработалъ политическія привычки, способствующія одинаково и соціалистамъ, и не соціалистамъ въ ихъ политическихъ цѣляхъ. Предъ англійскими соціалистами, какъ и передъ всѣми ихъ единовѣрцами, стоитъ задача обобществленія орудій производства. Но рядомъ съ этимъ они ставятъ и не могутъ не ставить себѣ, какъ насущную задачу, разрушеніе власти Палаты Лордовъ, слѣдовательно и сохраненіе парламентскихъ формъ политическаго союза, при измѣненіи способа функціонированія парламента. Эта задача вражды къ Палатѣ Лордовъ, съ одной стороны, сближаетъ англійскихъ соціалистовъ съ радикалами и даже съ частью либераловъ англійской буржуазіи; съ другой, ее не существуетъ для всѣхъ странъ, гдѣ исторія не создала ничего подобнаго англійской Палатѣ Лордовъ съ ея многовѣковою политическою традиціею.

Въ странѣ, гдѣ мы теперь живемъ, типъ парламентскаго правительства есть, по самой сущности, правительство буржуазіи и потому трудно ожидать, чтобы когда либо французскій парламентъ сдѣлался такимъ же оппозиціоннымъ элементомъ, годнымъ для соціалистической борьбы, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи. Здѣсь проявляется какъ-бы естественное стремленіе соціалистовъ и даже всѣхъ передовыхъ партій—ослабить парламентскій элементъ вообще, усиливая непосредственное вліі-

яніе массъ на ходъ событій. Какъ разъ въ настоящую минуту наши французскіе товарищи какъ бы признаютъ это: они провозглашаютъ, что дѣятельность соціалистовъ въ Парламентѣ имѣетъ лишь тогда политическій смыслъ, когда она опирается на организованную *внѣ*-парламентскую силу объединенныхъ синдикатовъ; они какъ бы готовы свести свою парламентскую тактику на довольно малозначительный минимумъ чисто-соціалистическихъ требованій, но центръ тяжести борьбы противъ господствующихъ классовъ, обладающихъ орудіями производства, они готовы какъ бы перенести въ федерацію синдикатовъ, т. е. на улицу, въ массы, давленіе которыхъ должно подчинить себѣ парламентъ, неизбѣжно буржуазный. Пожелаемъ имъ успѣха, если дѣйствительно такова ихъ соціалистическая тактика. Но и у нихъ существуютъ иныя, уже вовсе не соціалистическія, но тѣмъ не менѣе насущныя, задачи. Печальная исторія именно той эпохи, о которой я говорю, вызвала во Франціи спеціальныя заботы, отсутствующія во всѣхъ другихъ странахъ и съ которыми французскіе соціалисты принуждены считаться по фатальнымъ условіямъ хода событій. Въ несоціалистическихъ группахъ, передовыхъ, какъ и отсталыхъ, болятъ еще раны недавнихъ политическихъ потерь, опасность со стороны хищнаго политическаго сосѣда остается еще ежеминутною. И вотъ эта боль, эта опасность вызываютъ патологическія явленія. Русскіе соціалисты еще четверть вѣка тому (или даже менѣе), глубоко убѣжденные, что всѣ передовыя группы Франціи имъ сочувствуютъ и раздѣляютъ ихъ стремленія, съ глубокою болью души пережили недавніе годы, когда, за крайне немногими исключеніями, всѣ политическія группы Франціи, несоціалистическія и даже соціалистическія, торжественно привѣтствовали представителя того русскаго абсолютизма, который есть и не можетъ не быть непримиримымъ врагомъ не только русскихъ соціалистовъ, но прямо всего того, что въ Россіи способно мыслить и стремиться къ прогрес-

су. Горько было намъ видѣть это и признать, что насущныя боли и насущныя опасенія Франціи, сближая соціалистовъ и не-соціалистовъ, толкаютъ тѣхъ и другихъ къ задачамъ національной обороны (едва ли не фантастическимъ), которыя роютъ между русскими соціалистами и большинствомъ французскихъ національныхъ группъ довольно глубокую пропасть, обусловленную не разницей въ отношеніи къ соціалистическимъ задачамъ нашей эпохи, а разницей въ тѣхъ особенныхъ политическихъ и юридическихъ условіяхъ, которыя теперь существуютъ для Франціи и для Россіи. Когда одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ соціалистическихъ ораторовъ Франціи заявилъ передъ Палатой Депутатовъ, что всѣ передовыя партіи Франціи, — въ томъ числѣ и соціалисты,—по самой сущности патріоты, намъ слышалось въ этихъ словахъ не столько правомѣрное стремленіе всякаго гражданина къ тому, чтобы его родина заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ прогрессивной эволюціи человѣчества, сколько грустное для насъ стремленіе скрѣпить противуестественный союзъ республики, сохранившей девизъ „свободы, равенства, братства“, съ абсолютизмомъ, который душитъ все живое на нашей родинѣ. Будемъ надѣяться, что исторія разсѣетъ эти туманы настоящей минуты, измѣнитъ насущныя задачи нынѣшней Франціи, чуждыя другимъ странамъ, воскреситъ въ нихъ патріотизмъ Лафайэтовъ, Дантоновъ и Бабэфовъ и позволитъ намъ тогда снова протянуть руку тѣмъ, которые теперь, провозглашая свои республиканскіе догматы, считаютъ себѣ дозволительнымъ быть друзьями русскаго абсолютизма.

Но что можно сказать о нашихъ *русскихъ* насущныхъ задачахъ, не обще-соціалистическихъ, а обусловленныхъ для нашей родины временемъ и мѣстомъ? о задачахъ, не существующихъ внѣ Россіи, но за то и не спеціальныхъ для соціалистовъ, а стоящихъ со своими грозными требованіями издавна передъ всякимъ желающимъ блага русскому народу? Не будемъ

закрывать глаза на то, что мы русскіе очень расходимся во многихъ пунктахъ нашихъ политическихъ и соціальныхъ вѣрованій. Культурники вѣруютъ въ возможность трудиться надъ поднятіемъ народной культуры и надъ развитіемъ *подцензурной* литературы, вырабатывая этимъ путемъ силу, которая, въ своемъ ростѣ, разрушитъ деморализующія элементы нашего общества; тогда какъ революціонеры съ досадою смотрятъ на эту дѣятельность, обреченную, по ихъ мнѣнію, на безсиліе. Организаторы рабочей силы отчасти вѣрятъ еще, что этотъ процессъ организаціи можетъ имѣть успѣхъ на фабрикахъ или даже въ деревнѣ и при настоящемъ порядкѣ вещей; тогда какъ нѣкоторые ихъ товарищи увѣрены, что лишь политическая катастрофа, которая подорветъ въ его основѣ этотъ порядокъ, можетъ служить надежною почвою рабочей организаціи; анархисты же отрицаютъ самый планъ организаціи, какъ планъ скорѣе вредный для массовыхъ движеній, чѣмъ полезный. А за тѣмъ начинаются несогласія относительно соціальной роли фабрики и деревни, относительно союза съ либералами или обособленія отъ нихъ, относительно военнаго заговора, относительно террористическихъ пріемовъ борьбы. Да, многое и въ вопросахъ соціалистическихъ, и въ вопросахъ политическихъ вообще раздѣляетъ насъ. Но нѣтъ ли и для насъ въ настоящую минуту общихъ насущныхъ вопросовъ, которые, съ одной стороны, объединяютъ всѣхъ друзей русскаго народа, съ другой—стоятъ только передъ русскими передовыми группами, какъ грозныя требованія минуты?

Да, они есть. Всѣмъ, называющимъ себя соціалистами, общи у насъ, какъ и всюду, соціалистическія требованія перехода орудій производства въ руки рабочихъ и перестройки политическаго общественнаго организма согласно задачамъ соціалистической коопераціи. Но рядомъ съ этимъ русскіе соціалисты сознаютъ, что лишь русскій народъ изо всѣхъ европейскихъ народовъ остается подъ позорнымъ ярмомъ аб-

солютизма и что это позорное ярмо остается одинаково реальнымъ препятствіемъ и русскимъ культурникамъ народныхъ школъ, или здороваго литературнаго слова, и русскимъ революціонерамъ, и организаторамъ русской рабочей партіи, и сторонникамъ на нашей родинѣ политическаго заговора или политическаго революціоннаго взрыва, сторонникамъ соціалистической пропаганды въ городѣ и въ деревнѣ, тѣмъ кто разсчитывалъ на русское земство или на захватъ власти. Всюду одно и то же препятствіе; всюду одинъ и тотъ же врагъ. Насущная задача въ этомъ отношеніи для всѣхъ одна и та же. И она спеціальна для Россіи, такъ какъ *это* препятствіе, въ *этой* формѣ не существуетъ для соціалистовъ никакой другой страны. Не мудрено, что намъ, въ этомъ *нашемъ* насущномъ дѣлѣ, нѣтъ союзниковъ, нѣтъ товарищей въ цѣломъ мірѣ. Мы можемъ, мы должны разсчитывать лишь на *себя*. Мы, русскіе люди всѣхъ оттѣнковъ любви къ народу, всѣхъ способовъ пониманія его блага, должны работать каждый на *своемъ* мѣстѣ *своимъ* орудіемъ, стремиться къ одной цѣли, общей намъ всѣмъ и спеціальной для насъ, русскихъ. Здѣсь грозная обязанность лежитъ на русской молодежи, готовой вступить въ XX вѣкъ и которой предстоитъ создать исторію этого вѣка, Именно она, эта молодежь, имѣетъ предъ собою одну общую задачу, не только соціалистическую, но спеціально русскую. На васъ, русская молодежь XX вѣка, переходитъ великая обязанность предъ собою, предъ умершими или дряхлѣющими вашими предшественниками, передающими вамъ завѣты прошлаго, передъ неродившимся еще потомствомъ, судьбы котораго зависятъ отъ вашего пониманія и отъ вашей энергіи. Будущая исторія произнесетъ надъ вами судъ по тому, какъ вы съумѣете исполнить эту великую обязанность, эту насущную задачу борьбы противъ главнаго врага земли русской. И да рухнетъ подъ вашими ударами русскій абсолютизмъ!

НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

(Сказано 12 января 1899—31 декабря 1898 г.).

—

Благодарю моихъ дорогихъ товарищей за то, что они собрались у меня встрѣтить новый 1899 годъ, но, поздравляя ихъ съ этимъ новымъ годомъ, мнѣ хотѣлось бы воспользоваться случаемъ, чтобы высказать имъ какія либо хорошія пожеланія.

Я позволю себѣ пожелать всѣмъ намъ устраненія разнообразныхъ умственныхъ и жизненныхъ недоразумѣній, вносящихъ не мало смуты въ нашу мысль и въ наше дѣло. Подобное пожеланіе на первый взглядъ можетъ показаться очень отвлеченнымъ, но если приглядѣться и къ исторіи, и къ нашему времени, то и это окажется, пожалуй, недоразумѣніемъ.

Въ общемъ процессы всѣхъ великихъ историческихъ движеній были направлены на завоеванія народнаго самоуправленія и народной свободы. Однако теперь мы склонны думать, что въ этой самой задачѣ заключалось нѣкоторое недоразумѣніе; единаго народа ни тогда, ни прежде, ни теперь вовсе не было, а была борьба между классами и между группами этихъ

классовъ за захватъ сильнѣйшимъ политической власти и за бо́льшую свободу господствующей группы эксплуатировать классъ подвластный.

Однако въ обществѣ жило стремленіе оправдать эту экономическую и политическую эксплуатацію, и классъ эксплуататоровъ выступалъ, какъ классъ *понимающихъ* и *руководящихъ* подчиненныя массы въ силу этого пониманія. Мы — воплощеніе мысли всѣхъ классовъ, говорили они. Мы — *интеллигенція*. И изъ рядовъ массъ, протестующихъ противъ эксплуатаціи, иногда слышались голоса: мы—народъ, потому лишь, что мы—большинство. Въ силу *этого* наши инстинкты, наши заблужденія должны опредѣлять ходъ исторіи.

И вотъ на нашихъ глазахъ обнаружилась въ одномъ изъ передовыхъ народовъ міра яркая иллюстрація этого будто бы противуположенія массъ и представителей мысли, „народа" и „интеллигенціи". На улицахъ кричали (и еще до сихъ поръ кричатъ): Бей жидовъ! все въ жертву арміи, такъ какъ она — *сила*! все въ жертву отечеству, такъ какъ лишь его интересы—интересы народа, интересы націи: все остальное враждебно народу! Противъ этой волнующейся толпы гордо группируются избранники культуры, говоря: вотъ ваше большинство! вотъ вашъ народъ! Мы въ правѣ противуположить народу не только нашу власть, какъ классъ господствующій, но и наше высшее пониманіе, наше сознаніе, такъ какъ въ насъ лишь способно возродиться гибнущее отечество. Господство одного класса надъ другимъ какъ будто получаетъ съ этой точки зрѣнія для мыслящихъ людей не только естественное, но и нѣкоторое нравственное разъясненіе.

Однако, дальнѣйшій ходъ событій не совсѣмъ поддерживаетъ это разъясненіе. Въ средѣ самоувѣренныхъ представителей идеи, въ которыхъ будто бы воплощается мысль всѣхъ классовъ, происходитъ расколъ. Здѣсь — ученые, мыслители, поэты, академики, которые стоятъ за справедливость, за истину. Но тутъ и другіе ученые, другіе мыслители, другіе поэты,

другіе академики, провозглашающіе фетишъ арміи, передъ которымъ слѣдуетъ забыть справедливость, фетишъ отечества, требующій себѣ въ жертву истину. Да и защитники великихъ идей склонны защищать ихъ не какъ руководящія идеи, а подъ формою законности. Нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія? Что это за народъ, который не знаетъ солидарности съ людьми изъ народа же, но нѣсколько отличающимися отъ него по формамъ культуры? Что это за интеллигенція, которая ставитъ себѣ фетиши и приноситъ имъ въ жертву идеи, которыя однѣ обусловливали и обусловливаютъ дѣйствительный прогрессъ человѣчества?

Недоразумѣніе, дѣйствительно, оказалось на лицо. Передъ нами вовсе не противуположеніе интеллигенціи и толпы, а старинное противуположеніе двухъ профессій: профессіи либеральныхъ занятій и профессіи ручного труда. Но едва ли въ наше время сколько либо дозволительно отождествлять термины „толпы“ и „интеллигенціи“ съ понятіями о какихъ либо профессіяхъ. Толпа, взволнованная инстинктами и переживаніями, это—вовсе не тотъ солидарный народъ, къ которому обращались учители новой мысли съ призывомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Это — толпа пасынковъ цивилизаціи, лишь въ небольшой своей долѣ организовавшаяся въ тотъ „рабочій народъ“, которому можно было сказать: „вставай, подымайся!“ для будущей соціальной революціи. Точно такъ же профессора и академики, сами по себѣ, какъ таковые, не имѣли и не имѣютъ ни малѣйшаго права причислять себя къ „интеллигенціи“. Я позволяю себѣ видѣть въ интеллигенціи лишь служителей идеи развитія и солидарности, какъ-бы ни были ограничены фактическія знанія, до которыхъ они доработались, какова ни была бы сфера общественной дѣятельности, въ которую ихъ поставили обстоятельства. Въ эпоху мистиковъ, сапожникъ Яковъ Бэмъ былъ далеко высшимъ представителемъ интеллигенціи, чѣмъ многочисленные профессора схоластики тогдашнихъ универси-

тетовъ, точно также, переплетчикъ Варленъ былъ истиннымъ борцомъ за развитіе и за солидарность трудящихся въ борьбѣ съ тупыми дикарями — палачами Коммуны; и теперь иной авторъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ можетъ оставаться фетишистомъ культурнаго быта, тогда какъ далеко выше его въ этой интеллигенціи стоитъ какой-нибудь полуграмотный ремесленникъ, работающій въ немногіе часы досуга надъ своимъ развитіемъ. Къ тому-же самый истинный членъ интеллигенціи въ нынѣшней смутѣ теченій мысли слишкомъ часто рискуетъ невольно отступить отъ служенія развитію и солидарности. Я позволю себѣ поддерживать увѣренность, что лишь тотъ принадлежитъ къ интеллигенціи и на столько принадлежитъ къ ней, на сколько онъ жаждетъ развитія и солидарности, на сколько онъ работаетъ для ихъ распространенія въ себѣ и вокругъ себя. И въ нынѣшнемъ умственномъ и нравственномъ расколѣ во Франціи лишь тотъ воплощаетъ въ себѣ истинное сознаніе народа, лишь тотъ работаетъ надъ возрожденіемъ своей родины, деморализованной классовой борьбой, для кого и военныя и юридическія силы, идеи народа и отечества составляютъ не фетишъ, требующій закланія справедливости, но болѣе или менѣе цѣлесообразныя орудія борьбы за истинную солидарность и за истинное развитіе, средство осуществленія этихъ великихъ идей. Сегодня такимъ орудіемъ, можетъ быть, служила легальность, хотя, вообще говоря, всѣ нынѣшніе суды суть слуги капитализма. Завтра, можетъ быть, великимъ идеямъ послужатъ военныя силы, если соціалисты съумѣютъ создать въ средѣ арміи организацію сторонниковъ и служителей соціальной революціи. Но всегда и вездѣ эти формы жизни могутъ быть для члена интеллигенціи лишь орудіемъ идейнаго стремленія къ развитію и солидарности. Ни инстинкты толпы, ни профессіональные интересы культурныхъ группъ не могутъ и не должны обратиться въ фетиши, заслоняющіе для члена истинной интеллигенціи обязанность

служить идеаламъ развитія и солидарности. Лишь по недоразумѣнію можно отнести къ арміи интеллигенціи служителей культурныхъ фетишей.

Устранимъ же опасныя недоразумѣнія, существующія и въ жизни русскаго общества. Да убѣдится русская молодежь, стремящаяся проникнуть въ стѣны университетовъ и встрѣчающая въ этомъ невинномъ стремленіи всякія препятствія, что ни многочисленные экзамены, ни оффиціальные дипломы не даютъ ей еще права считать себя принадлежащей къ интеллигенціи, которая воплощаетъ русскую идейную жизнь, но лишь личныя стремленія къ развитію и къ солидарности съ потребностями русскаго народа. Да убѣдятся наши культурники въ ихъ почтенной работѣ въ школахъ, въ библіотекахъ, въ попыткахъ поднять уровень народныхъ увеселеній, что эта работа будетъ работою живою лишь тогда, когда она не ограничится обученіемъ грамотѣ и разъясненіемъ физическихъ явленій, но тогда, когда она будетъ готовить въ своихъ ученикахъ людей, жаждущихъ развитія, стремящихся къ развитію и къ солидарности, враговъ существующаго общественнаго зла. Да убѣдятся организаторы русской рабочей партіи, что они работаютъ для всего русскаго народа лишь тогда, когда имѣютъ въ виду не только сотни тысячъ уже объединяющихся русскихъ фабричныхъ рабочихъ, но и десятки милліоновъ разсѣянныхъ рабочихъ сельскихъ. Да убѣдятся организаторы русскаго революціоннаго движенія, что, борясь противъ ярма абсолютизма, они не имѣютъ права забывать, что въ Россіи борьба съ ростущимъ въ ней капитализмомъ не можетъ быть ни на минуту оставлена въ сторонѣ при революціонной организаціи. Всѣ попытки отдѣлить одну отъ другой эти разнообразныя задачи, поставленныя исторіей передъ русской интеллигенціей, — задачи расширенія области собственной личной мысли; задачи культурной работы въ народѣ; задачи организаціи русскихъ рабочихъ и организаціи революціонной политической партіи — суть ничто иное, какъ

недоразумѣнія, и едва ли можно считать отвлеченностью желаніе устранить эти недоразумѣнія, охватывающія и болѣе обширныя области жизни, и чуть ли не обыденные вопросы. Въ области мелкихъ жизненныхъ цѣлей сама жизнь скоро научаетъ насъ разсчитывать лишь на собственныя усилія для осуществленія пріятнаго и желательнаго. Но оно далеко не такъ въ области жизненныхъ цѣлей высшихъ. Мы склонны надѣяться, что справедливыя идеи воплотятся въ жизнь сами собою лишь потому, что они справедливы; что безъ особеннаго нашего личнаго содѣйствія не только устранятся препятствія, которыя мѣшаютъ дышать нашимъ бѣднымъ либераламъ, но и рухнетъ русскій абсолютизмъ; что сама собою эпоха капитализма смѣнится эпохою соціализма. Но едва ли это не очень вредное и опасное недоразумѣніе, такъ какъ ничто не совершалось въ исторіи безъ энергическаго личнаго дѣла. Едва ли не по такому же недоразумѣнію слишкомъ многіе думаютъ, что соціалистическіе принципы для своего осуществленія требуютъ лишь интеллектуальнаго убѣжденія и болѣе или менѣе дѣятельнаго участія личности въ современной коллективной борьбѣ труда противъ капитала. Я позволю себѣ думать, что эти принципы требуютъ еще возможно болѣе послѣдовательной личной соціалистической жизни, способной дѣйствовать примѣромъ и на товарищей, и на новыхъ прозелитовъ соціализма. А многіе ли изъ насъ, называющіе себя соціалистами, не только выполняли и выполняютъ это требованіе, но когда нибудь сознательно поставили его себѣ, какъ жизненную цѣль?

Но меня пугаетъ расширеніе передъ моею мыслью этой печальной области недоразумѣній; я боюсь и утомить добрыхъ пріятелей, пришедшихъ встрѣтить со мною новый 1899 годъ и буду доволенъ, если мнѣ удалось лишь убѣдить васъ, что желаніе устранить жизненныя недоразумѣнія есть желаніе далеко не отвлеченное.

ОТВѢТЪ ЖЮЛЮ ГЮРЭ.

(Изъ книги «Enquète sur la question sociale en Europe» par Jules Huret).

П Лавровъ—духовный глава русскихъ соціалистовъ. Математикъ, философъ и соціологъ, онъ обладаетъ громадной эрудиціей Онъ былъ профессоромъ въ С.-Петербургской Артиллерійской Академіи съ чиномъ полковника, и съ 60-тыхъ годовъ сталъ оказывать значительное вліяніе на русскую молодежь. Вслѣдствіе опубликованія своихъ, знаменитыхъ въ Россіи, „Историческихъ Писемъ“ былъ вынужденъ бѣжать въ Парижъ отъ угрожавшей ему ссылки*). Съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился у насъ (1870 годъ) онъ сталъ въ открытую оппозицію къ политическому и соціальному режиму Россіи и сдѣлался однимъ изъ апостоловъ русскаго соціализма. Глубоко уважаемый русскими и польскими эмигрантами, онъ всегда отличался большой скромностью, ведя жизнь достойную политическаго эмигранта. Въ мірѣ ученыхъ онъ извѣстенъ своимъ крупнымъ трудомъ: „Опытъ исторіи мысли“. — По моей просьбѣ, г-нъ Лавровъ, въ отвѣтъ на рядъ предложенныхъ мной вопросовъ, соблаговолилъ мнѣ написать слѣдующее письмо**).

---

*) Не точно; П. Л., какъ извѣстно, былъ сосланъ 25-го февраля 1866 году въ Вологодскую губ., откуда бѣжалъ 25 февраля 1870 г (Прим. издат.).

**) Издатели считаютъ своимъ долгомъ заявить, что они не вполнѣ солидарны со взглядами Петра Лавровича на значеніе террористической тактики въ Россіи. Наши взгляды по этому вопросу изложены въ книгѣ Григоровича: „Соціализмъ и борьба за политическую свободу“. (Прим. издат.)

Милостивый государь!

Вы предложили мнѣ нѣсколько вопросовъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Чтобы отвѣтить на нихъ съ доказательствами въ рукахъ было бы мало написать цѣлый томъ, что́, понятно, не соотвѣтствуетъ Вашей задачѣ, да и для меня невыполнимо Я ограничусь поэтому только нѣсколькими краткими указаніями, не пытаясь изложить различные фазисы этой крайне сложной проблемы или нарисовать, хотя бы очень не полную картину той борьбы, которая происходитъ на моей родинѣ. Для краткости я буду разбирать Ваши вопросы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вы мнѣ ихъ предлагали; я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ это дѣлать, что нѣкоторые изъ нихъ, по моему, повторяютъ одно и то-же, по отношенію же къ остальнымъ вопросамъ я вынужденъ буду ограничиться очень краткими отвѣтами.

1. Послѣднее прилагается къ Вашему первому вопросу. „Думаю ли я, что революція въ Россіи необходима и неизбѣжна“?

Я считаю, что все совершившееся въ исторіи должно было неминуемо совершиться, но къ предсказаніямъ будущаго я отношусь очень скептически. *Мнѣ кажется*, что паденіе русскаго абсолютизма „фатально“ должно совершиться, потому что всѣ цивилизованныя страны избавились отъ этой архаической формы правленія; и я оставляю тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые заявляютъ себя защитниками самодержавія, обязательную и не особенно пріятную для нихъ задачу, доказать, что наше отечество остается и должно оставаться внѣ движенія современной цивилизаціи. Я вѣрю, что паденіе русскаго самодержавія необходимо для того, чтобы мои соотечественники не потеряли всякаго чувства собственнаго достоинства, — всякую возможность умственнаго и общественнаго развитія, такъ какъ достоинство и развитіе, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлой группы, съ теченіемъ вре-

мени становится несовмѣстимымъ съ самодержавнымъ режимомъ. (Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я могъ-бы привести длинный списокъ работъ, при томъ и такихъ, которыя открыто продаются въ Петербургѣ и Москвѣ.)

2. Вы спрашиваете: „Не понадобятся ли вѣка, чтобы мужикъ измѣнилъ основы своего міровоззрѣнія. *Богъ и царь?* развѣ не въ нихъ сосредоточились вся его нравственность, все его пониманіи общественной жизни“?

Прежде всего замѣчу, что земледѣльческій классъ повсюду, благодаря своему роду жизни, наиболѣе отсталый классъ народа. Нѣмецкіе и французскіе соціалисты встрѣчаютъ болѣе всего затрудненій для распространенія своихъ идей въ деревняхъ, между тѣмъ какъ въ городахъ и промышленныхъ округахъ соціализмъ такъ быстро прогрессируетъ. Тѣмъ не менѣе возможность большихъ крестьянскихъ возстаній противъ слишкомъ угнетающаго ихъ режима подтверждается исторіей Германіи, Франціи и Англіи въ то время, когда фабричные рабочіе не составляли главнаго контингента революціонной арміи. Въ Россіи большія крастьянскія возстанія имѣли мѣсто и въ болѣе близкое къ намъ время. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы русскій мужикъ не могъ возстать противъ современнаго режима. Но это возможно при условіи, чтобы иниціатива этого движенія принадлежала хорошо организованной революціонной партіи въ городахъ. Много можно было-бы сказать и о стереотипной фразѣ о „Богѣ и царѣ“, какъ врожденномъ культѣ русскаго крестьянина. Кто хорошо знакомъ съ русскими народными поэтическими произведеніями, въ особенности съ той презрительной ролью, которую игралъ въ нашихъ былинахъ св. Владиміръ, предполагаемый или дѣйствительный предокъ всѣхъ нашихъ княжескихъ родовъ — тотъ имѣетъ довольно основаній, чтобы относиться скептически къ этому предполагаемому культу. Русскій мужикъ не больше и не меньше революціонеръ, чѣмъ крестьянинъ любой другой страны. Но онъ нуждается въ землѣ; онъ об-

ременен налогами; а русскій абсолютизмъ *не можетъ* снять съ него это бремя. Нашъ мужикъ будетъ за того, кто облегчитъ ему тяжесть налоговъ, кто дастъ ему землю, въ которой онъ нуждается. Слѣдовательно... (предоставляю Вамъ самимъ сдѣлать выводъ).

3. „Можетъ-ли царь въ случаѣ революціи разсчитывать на армію"?

Я отказываюсь вдаваться въ подробности по этому поводу во первыхъ потому, что, не будучи въ состояніи вотъ ужъ болѣе четверти вѣка слѣдить непосредственно за измѣненіями общественнаго мнѣнія въ Россіи, я могу только опираться на отрывочныя данныя; а затѣмъ, мнѣніе, которое я себѣ составилъ, не можетъ быть объектомъ газетнаго сообщенія. Я могу только съ чистой совѣстью сказать, что если правительство Александра III будетъ попрежнему продолжать во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ свою реакціонную политику, которой оно слѣдуетъ уже болѣе десяти лѣтъ, то оно сильно рискуетъ возбудить *противъ себя* всѣхъ мыслящихъ людей и истинныхъ патріотовъ среди нашей арміи.

4. „Носитъ ли русскій нигилизмъ преимущественно политическій или соціалистическій характеръ? приближается ли онъ по своему характеру къ взглядамъ Бакунина или къ теоріямъ Маркса"?

До сихъ поръ я совсѣмъ не касался вопроса о соціализмѣ въ Россіи. Теперь, когда мнѣ приходится говорить о немъ, я прежде всего долженъ Вамъ замѣтить, что терминъ „нигилизмъ", который Вы употребляете подобно многимъ другимъ, могъ имѣть точный смыслъ лишь въ эпоху теперь уже весьма отдаленную отъ насъ, между тѣмъ какъ русское революціонное движеніе прошло черезъ нѣсколько различныхъ фазисовъ и при этомъ имѣетъ глубокую внутреннюю связь съ другими періодами соціальной эволюціи Россіи.

Въ концѣ XVII-го вѣка русское самодержавіе въ интересахъ своей внѣшней политики не только находитъ полезнымъ устраненіе всякаго рода препятствій,

мѣшавшихъ сближенію русскаго общества съ формами европейской цивилизаціи, но, наоборотъ, всѣми силами содѣйствуетъ этому сближенію. Подавивъ всѣ традиціонныя учрежденія, въ которыхъ въ средневѣковой Россіи сосредочивались болѣе или менѣе независимые элементы, оно открыло свободный доступъ европейскимъ идеямъ въ нашу страну. Всѣ прогрессивные слои, съ жадностью привѣтствовавшіе новую цивилизацію, стали на сторону правительства и позволили ему раздавить всякую оппозиціонную организацію; мало того, они ему помогали въ этомъ. Это было какъ разъ въ то время, когда вся Европа увлекалась просвѣщенными деспотами, министрами или королями. Но абсолютизмъ упустилъ изъ виду революціонныя идеи, которыя проникли къ намъ вмѣстѣ съ новыми административными или полицейскими формами, вмѣстѣ съ планами лучшей организаціи арміи, вмѣстѣ съ комфортомъ и утонченною роскошью и т. под. Во второй половинѣ царствованія Екатерины II, великое крестьянское возстаніе на Волгѣ и французская революція бросили пріятельницу Вольтера и Дидро въ объятія реакціи и въ то-же время толкнули русскіе прогрессивные элементы въ ряды рѣшительной оппозиціи. Съ тѣхъ поръ союзъ между абсолютизмомъ и прогрессивными элементами уже болѣе не возобновлялся и прогрессивное, нравственное и умственное *вліяніе* принадлежитъ въ русской литературѣ *исключительно* тѣмъ писателямъ, которые болѣе или менѣе открыто стоятъ въ оппозиціи.

До 1848 г. оппозиція въ Россіи выступала во имя обычныхъ формулъ европейскаго либерализма. Соціалистическіе элементы проникли вмѣстѣ съ другими, но ихъ вліяніе было случайно и довольно ограничено. Въ то время возникъ первобытный *нигилизмъ*. Онъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ страстной и безпощадной критикой всѣхъ элементовъ европейскаго либерализма. Религія, семья, государство, наука, искуство, соціальные принципы, свобода, равенство, братство — ничто изъ всего этого онъ не считалъ святынею, не подле-

жащею критикѣ. Ошибочно утверждали, что нигилисты той эпохи отрицали всѣ эти принципы. Нѣтъ, они не отрицали ничего: они лишь искали того, что есть истиннаго и реальнаго въ этихъ формулахъ. Они были врагами громкихъ словъ. Вполнѣ естественно поэтому, что соціалистическая критика существующаго строя дала имъ лучшее оружіе въ ихъ поискахъ за истиной — поискахъ, дѣлавшихся во имя естественныхъ наукъ и во имя философіи Гегеля; во имя борьбы противъ крѣпостничества и во имя личнаго достоинства; во имя эмансипаціи женщины и во имя долга образованнаго и мыслящаго класса передъ народомъ, который доставилъ ему своими страданіями и своимъ трудомъ всѣ продукты цивилизаціи и мысли.

Ко времени Коммуны и раскола въ Интернаціоналѣ въ Россіи ужъ не было больше нигилистовъ стараго типа. Истина была найдена. Эта истина называлась соціализмомъ. Всѣ нигилисты сдѣлались соціалистами. Между русскими либералами и русскими соціалистами произошелъ расколъ. Въ это время разногласія въ Интернаціоналѣ отразились также и въ средѣ русскихъ соціалистовъ: они раздѣлились на бакунистовъ и марксистовъ. Но эти различія, которыя возбуждали въ мірѣ русскихъ эмигрантовъ страстные споры, вызывая враждебныя литературныя теченія, имѣли очень мало значенія въ Россіи. Тамъ переводили и съ увлеченіемъ читали сочиненія Маркса и Лассаля, но въ то же время распространялись и сочиненія Бакунина. Русскіе бакунисты и марксисты, помимо общихъ идей о роли рабочаго класса, помимо совмѣстной проповѣди соціализма „въ народѣ“, имѣли еще сильнаго и главнаго врага, общаго всѣмъ: императорскій абсолютизмъ. Всѣ соціалисты были въ то же время политическими революціонерами; они вынуждены были вмѣстѣ конспирировать и помогать другъ другу въ ежедневной борьбѣ. Настала минута, когда возникла сильная революціонная организація, которая централизовала всѣ соціалистическія силы для энергичной борьбы противъ абсолютиз-

ма; въ нее вошли и соціалисты, которые не соглашались во всѣхъ деталяхъ съ программой партіи. Это была „Народная Воля“. Бакунизмъ исчезъ тогда въ Россіи. Я вполнѣ категорически могу утверждать, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени анархизмъ въ своей бакунистской формѣ уже болѣе не существуетъ среди русскихъ соціалистовъ. Всѣ признаютъ Карла Маркса учителемъ международнаго соціализма. Но существуютъ оттѣнки въ вопросахъ, касающихся примѣненія его теоріи къ тому или иному спеціально русскому вопросу. — Вотъ Вамъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ о вліяніи Бакунина и Маркса

5. Вы спрашиваете мое мнѣніе о вопросѣ: „Повлечетъ ли политическая революція въ Россіи за собою и соціальную“?

Слѣдовало-бы точнѣе опредѣлить терминъ: „соціальная революція“. Я не думаю, чтобы въ какой бы то ни было великой цивилизованной странѣ въ настоящее время могла совершиться революція безъ того, чтобы соціальный вопросъ въ ней не имѣлъ преобладающее значеніе. Я увѣренъ, что въ какой-бы формѣ ни совершилась политическая революція въ Россіи (будь то дворцовый переворотъ, пронунціаменто, конституція, продиктованная либералами, или торжество соціалистической партіи), партія одержавшая побѣду немедленно вынуждена будетъ въ большей или меньшей степени заняться соціальнымъ вопросомъ. Но никто не можетъ утверждать, чтобы было возможно или вѣроятно немедленное установленіе соціалистическаго режима въ Россіи, что, впрочемъ, вѣрно и для другихъ странъ, гдѣ соціалистическія идеи опираются на армію организованныхъ рабочихъ. Это зависитъ отъ массы обстоятельствъ.

6. Я желалъ-бы также подробнѣе, чѣмъ это возможно здѣсь, развить мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ, который связанъ съ предыдущимъ и который вы мнѣ даже предлагаете два раза въ различной формулировкѣ. Вы спрашиваете: „Должно ли будетъ пройти русское

движеніе чрезъ фазисъ политическихъ требованій прежде чѣмъ коснуться соціальнаго вопроса? или же и то, и другое могутъ имѣть мѣсто рядомъ? Наступитъ ли, другими словами, для Россіи буржуазный 89 годъ"?

Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ либеральной оппозиціи въ видѣ организованной партіи, но отдѣльные элементы ея, разсѣянные и изолированные, существуютъ въ большомъ количествѣ. Если бы она имѣла энергію съорганизоваться, то очень возможно, что она попыталась бы устроить другой 1789 годъ. Но въ настоящее время эта оппозиція совершенно деморализирована*) и несмотря на всѣ обиды, которыя наноситъ ей наше правительство, какъ бы побуждая ее къ возмущенію, такъ сказать помимо ея воли, все таки мало вѣроятно, чтобы она организовалась въ революціонную партію. Скорѣе наиболѣе рѣшительныя натуры средн нея вынуждены будутъ индивидуально примкнуть въ качествѣ союзниковъ къ рядамъ организованныхъ соціалистовъ-революціонеровъ, и можно предположить, что попытки будущей революціи совершатся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ именно подъ преобладающимъ вліяніемъ соціалистическихъ идей. Если русскимъ соціалистамъ удастся съорганизовать рабочую партію, то вполнѣ естественно, что соціальная революція смететъ вмѣстѣ съ самодержавнымъ режимомъ и начала капитализма, еще очень мало развитаго у насъ. Подобная же катастрофа вѣроятно имѣла бы мѣсто, если бы движеніе могло опереться на обширное крестьянское возстаніе. Если же ни то, ни другое изъ двухъ указанныхъ теченій не будетъ въ состояніи произвести революціи,

*) Что касается этой деморализаціи, я могу сослаться на Ваше же собственное свидѣтельство, когда Вы говорите о „внезапно поблѣднѣвшихъ лицахъ", о „безпокойныхъ взглядахъ", о „лихорадочной дрожи" («Figaro» отъ 28 сентября), о „страхѣ, глухомъ и болѣзненномъ страхѣ передъ начальствомъ, который, какъ вы чувствовали, окружалъ Васъ со всѣхъ сторонъ" и который овладѣлъ и Вами, хотя „Вашъ паспортъ былъ совершенно въ порядкѣ" («Figaro» отъ 1 октября).

и если все таки русскимъ соціалистамъ революціонерамъ удастся низвергнуть императорскую власть при помощи пронунціаменто, поддерживаемаго достаточнымъ количествомъ рабочихъ, или какимъ нибудь другимъ способомъ, — то можно быть увѣреннымъ, — что мѣры, которыя немедленно же будутъ приняты побѣдителями, тѣмъ значительнѣе будутъ проникнуты соціалистическими принципами, чѣмъ значительнѣе, по численности, будетъ участіе соціалистовъ въ революціонной партіи. Несомнѣнно, что очень трудно предвидѣть ходъ событій во всѣхъ этихъ случаяхъ. Пожалуй, можно было-бы даже утверждать, что мы стоимъ передъ непреодолимыми затрудненіями; но исторія даетъ намъ доказательства возможности такихъ фактовъ, которые казались столь же мало вѣроятными для тѣхъ, для которыхъ они еще не были фактами совершившимися.

7. „Не считаете ли вы безполезными покушенія на царя? Вѣдь за ними всегда слѣдуютъ страшныя репрессаліи, яростное преслѣдованіе невинныхъ. Покушенія усиливаютъ реакцію, задерживая либеральный прогрессъ и къ тому жу не имѣютъ никакихъ шансовъ совершить окончательный и дѣйствительный переворотъ“.

Такъ какъ я не находился въ Россіи во все время правительственнаго и революціоннаго террора и такъ какъ я никогда не участвовалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли, то я ничего не могу Вамъ сказать о „безполезныхъ покушеніяхъ“, о которыхъ Вы говорите. Я знаю только, что Исполнительный Комитетъ всегда считалъ эти „покушенія“ фактами „печальной необходимости“; что тактика даже самыхъ фанатическихъ приверженцевъ террора въ Россіи не имѣла ничего общаго съ образомъ дѣйствій защитниковъ „прогаганды фактами“, котораго придерживаются нѣкоторые французскіе анархисты. Я знаю, что русское общество, находясь подъ унизительнымъ игомъ правительства — правительсгва, которое ставитъ себя

выше всякихъ законовъ—считаетъ (я не говорю о заявленіяхъ оффиціальныхъ и обязательныхъ) покушенія противъ деспота „преступленіями“ на столько же, на сколько поклонники древняго міра называли „преступниками“ Аристогитоновъ и Брутовъ; что Кадудали и Орсини, конспирировавшіе противъ жизни Наполеоновъ, не смотрѣли на себя какъ на злодѣевъ; и что, наконецъ, русскіе историки не скандализируются убійствомъ Петра III и Павла I. Я разъ присутствовалъ при споръ между двумя моими соотечественниками: либераломъ и революціонеромъ. Либералъ толкалъ соціалистовъ на новое покушеніе на царя, между тѣмъ какъ соціалистъ находилъ это безполезнымъ. И послѣдній былъ не единственный, который раздѣлялъ подобное мнѣніе. Но мнѣ, съ другой стороны, извѣстно, что все усиливающаяся реакціонная политика теперешняго императора неминуемо доводитъ наиболѣе энергичную и горячую часть русской молодежи до отчаянія, которое выражается, а вѣроятно и впредь будетъ выражаться, въ покушеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ отдѣльныя группы террористовъ дѣйствуютъ помимо всякаго центральнаго вліянія организованныхъ партій. Если Александръ III не измѣнитъ своей системы, никакія разсужденія о безполезности покушеній, никакое нравственное воздѣйствіе не одержитъ верхъ надъ людьми, доведенными до отчаянія. Лишь вступивъ на путь „необходимыхъ свободъ“ русскій императоръ можетъ себя оградить отъ покушеній, и тогда не соціалисты, конечно, станутъ прибѣгать къ подобному образу дѣйствій.

8. Вы меня извините, что я не могу воздержаться отъ улыбки, читая Вашъ послѣдній вопросъ: „Каково настоящее положеніе нигилизма, его организація, его будущность“?

Вы сами, Милостивый Государь, не можете думать, что я сочту себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. Пусть считаютъ нигилизмъ умершимъ; пусть думаютъ, что онъ только „уснулъ“ или, наконецъ, что

„онъ болѣе живучъ, чѣмъ когда либо“, не наше—русскихъ соціалистовъ — дѣло говорить объ этомъ. Въ то время какъ Гэды, Либкнехты, Бэрнсы могутъ открыто защищать свои убѣжденія, мы — конспираторы по необходимости. Мы *работаемъ* надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать русское движеніе болѣе жизненнымъ, чѣмъ когда-либо. Мы его постараемся разбудить, если оно уснуло. Мы нашли бы можетъ быть средство воскресить его, если бы оно умерло.

П. Лавровъ.

ПЕСТРЫЯ ЗАБОТЫ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(Сказано 14/2 іюня 1899 г.)

—

Дорогіе товарищи,

Еще разъ благодарю васъ за вашъ горячій и дорогой мнѣ привѣтъ и за то, что вы, среди шумныхъ и тяжелыхъ заботъ дня, все таки вспомнили старика-товарища, который съ усерднымъ вниманіемъ и съ горячимъ сочувствіемъ слѣдитъ за этими шумными и тяжелыми заботами.

А ихъ много и онѣ представляютъ пестрое зрѣлище, то заслоняя существенное преходящимъ, но болѣе яркимъ, то выдвигая снова изъ-за вопросовъ и столкновеній дня неумирающія историческія задачи.

Кто изъ васъ, прожившій, какъ и я, этотъ годъ въ Парижѣ, не поддался вліянію того „дѣла“, которое наполняло газеты и частныя пренія, побуждая забывать на болѣе или менѣе долгія „минуты“ всѣ тѣ неумолимыя и неустранимыя задачи, которыя господствуютъ въ общемъ ходѣ событій современной исторіи?

Кто изъ насъ не волновался эти дни, слѣдя за тѣмъ какъ въ Auteuil или въ Longchamps на скачкахъ—во-

обще, какъ я думаю, не особенно васъ интересующихъ — происходили столкновенія бѣлыхъ и красныхъ цвѣтковъ; и за любопытною эволюціею парижской полиціи, безцеремонно и безпристрастно осыпавшей ударами вечеромъ тѣхъ самыхъ соціалистовъ и радикаловъ, которые еще утромъ готовы были драться и дѣйствительно дрались за главу буржуазной республики".

Кто изъ васъ не хваталъ съ нетерпѣніемъ вчера и сегодня газеты, чтобы скорѣе, узнать рѣшенъ ли вопросъ о паденіи министерства Дюпьи и кто рѣшается взять на себя трудную роль быть его преемникомъ?

А сквозь этотъ поверхностный слой сегодняшнихъ насущныхъ вопросовъ Парижа, сегодняшнихъ жгучихъ, но мѣстныхъ заботъ, проглядываетъ для насъ, русскихъ, уже совсѣмъ другое: даже въ бѣглыхъ разговорахъ съ пріятелями французами вамъ приходится, вѣроятно, не рѣдко отвѣчать на повторяющіеся вопросы: что́ это дѣлается у васъ въ Россіи? Какую историческую роль принимаетъ на себя русскій императоръ? Серьезно или не серьезно Россійская Имперія — единственное оставшееся въ Европѣ государство, не знающее ни „свободъ", ни парламентаризма—выступаетъ адвокатомъ всеобщаго мира? Какой дѣйствительный смыслъ имѣетъ тотъ странный фактъ, что глава этого бюрократическаго и милитарнаго государства, въ эти же самые дни, обращаетъ въ оффиціальное торжество чествованіе писателя, если и не боровшагося въ дѣйствительности противъ абсолютизма, тѣмъ не менѣе провозглашавшаго своимъ идеаломъ „разумъ" и „свободу", идеалъ не очень то гармонирующій съ господствомъ абсолютизма? Да, для многихъ можетъ казаться страннымъ, что этотъ самый императоръ, — подвергающій тяжелому гнету и литературу, и университеты, изгоняющій изъ нихъ студентовъ, и однимъ почеркомъ пера безъ застѣнчиво отмѣняющій все реальное значеніе финляндской конституціи, которую онъ обязался охранять, — посылаетъ привѣтственную телеграмму собра-

нію представителей русской науки и литературы, которые по самому существу — даже противъ собственной воли — представляютъ элементъ оппозиціонный самодержавному произволу. — Какъ ни увлекается тотъ или другой изъ насъ судьбою Дрейфуса или Деруледа, политическими событіями въ палатѣ депутатовъ или на улицахъ Парижа, но всѣ мы — я увѣренъ въ этомъ — слѣдимъ съ тревожною тоскою за всѣмъ, что совершается у насъ на родинѣ. А какъ только мы произнесли это слово, то предъ нами возникаетъ вопросъ уже не студенческій, не финляндскій и не дипломатическій, а вопросъ еще болѣе громадный, еще болѣе подавляющій, вопросъ о голодающемъ народѣ, объ ужасахъ массоваго нищенства, массоваго страданія.

Эта пестрая вереница мгновенныхъ и существенныхъ вопросовъ дня получаетъ особенное освѣщеніе и какъ-бы разъясняется для насъ, соціалистовъ: а самое сегодняшнее собраніе, на которомъ я выслушалъ вашъ дорогой мнѣ привѣтъ — весьма недостаточно заслуженный мною — позволяетъ мнѣ сказать, что здѣсь собрались преимущественно *соціалисты.* Сквозь уродливое переживаніе антисемитизма и фетишистическаго націонализмъ, сквозь жалкіе идеалы милитаризма, сквозь противурѣчія политическихъ программъ и партій, борющихся за власть, мы, соціалисты, во имя нашихъ соціалистическихъ принциповъ и убѣжденій, можемъ разглядѣть великую борьбу труда съ капиталомъ, продолжающуюся подъ тысячью разнообразныхъ формъ, подъ сотнею различныхъ знаменъ, подъ десятками сталкивающихся теченій. Для соціалиста нѣтъ сомнѣнія, въ какіе ряды ему стать въ общественной битвѣ, когда онъ съ одинаковою подозрительностью смотритъ на всѣхъ представителей буржуазіи: выборъ партіи въ *сегодняшней* борьбѣ обусловливается для него сознанными задачами, выросшими изъ соціалистическихъ принциповъ. Для него нѣтъ сомнѣнія, каковъ истинный смыслъ загадочныхъ заботъ русскаго императора о по-

среднических судахъ между государствами — смыслъ, быть можетъ. невполнѣ ясный для самаго этого самодержца: это, во первыхъ, новый способъ подчинить небольшія державы гегемоніи крупныхъ, которыя, конечно, будутъ преобладать въ этихъ посредническихъ судахъ; это, во вторыхъ, при уменьшеніи необходимости направлять военныя силы каждаго государства на внѣшнія столкновенія, увеличеніе возможности направлять арміи федеративныхъ и бюрократическихъ государствъ на „враговъ внутреннихъ", т. е. преимущественно на соціалистовъ. Для соціалиста вполнѣ понятно, что абсолютизмъ, подавляя, съ одной стороны, всякое проявленіе оппозиціонной мысли — даже тамъ, гдѣ подобная оппозиція хотя бы только возможна—хочетъ передать въ руки своей бюрократіи и распоряженіе пособіями голодающему населенію, и даже идейное чествованіе поэта, начавшаго свою дѣятельность „одою свободѣ"; соціалистъ можетъ лишь нѣсколько возмущаться тою готовностью, съ которою либеральные кружки русской литературы и науки подчинились безпрепятственно захвату бюрократіею этихъ идейныхъ теченій.

Такимъ образомъ передъ нами нѣсколько слоевъ вопросовъ и заботъ, взаимно сталкивающихся и взаимно другъ друга заслоняющихъ въ умѣ современнаго русскаго человѣка; но ихъ смущающая воображеніе пестрота и столкновеніе не пугаютъ соціалиста. Онъ, *во имя своихъ принциповъ*, становится въ ряды той или другой политической или культурной группы. Онъ съ недовѣріемъ смотритъ на *всѣ* будто-бы либеральныя начинанія буржуазіи и самодержавной власти, вооружаясь какъ можетъ и умѣетъ противъ враговъ, съ которыми примиреніе невозможно, и съ которыми борьба — дѣло и сегодняшнее, и завтрашнее. Онъ чествуетъ умершихъ и живыхъ героевъ дѣла и героевъ мысли, тщательно устраняя сближеніе съ компрометирующими союзниками. Онъ идетъ рядомъ съ буржуа-филантропомъ на скромное, но необходимое дѣло кормленія го-

лодающаго народа, ухода за тифозными и цынготными: или даже на культурное дѣло распространенія школъ и читаленъ. Но эта дѣятельность ни на минуту не заслоняетъ въ его мысли его принципіальную обязанность выступать, когда можно, какъ самостоятельная и энергическая личность въ борьбѣ за лучшее будущее, которое можетъ отвоевать лишь личность самостоятельная и энергическая; его принципіальную обязанность развивать въ себѣ и около себя пониманіе соціальныхъ принциповъ, сознаніе борьбы классовъ, подготовленіе великаго момента, когда для русскаго соціалиста будетъ возможно выступить не только филантропомъ и культурникомъ, не только лѣчителемъ и учителемъ, а организаторомъ народныхъ силъ въ борьбѣ противъ абсолютизма и противъ капитала: солдатомъ народной арміи, опираясь на тотъ жизненный опытъ и на тѣ жизненныя связи съ народомъ, надъ которыми соціалистъ работаетъ уже теперь, подготовляя будущее.

Вы мнѣ принесли, дорогіе товарищи, привѣтъ молодого поколѣнія инвалидамъ прошлаго. Посылаю черезъ васъ привѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто, не отказываясь отъ вольнаго и невольнаго участія въ пестрыхъ вопросахъ и заботахъ дня и минуты, готовитъ въ себѣ и около себя борцовъ за лучшее будущее, какъ для нашего народа, такъ и для всего человѣчества.